

КРОКОДИЛ

№ 10 • АПРЕЛЬ 1975

РАЙСОВЕТ

АГАЗИН

КУПАТЬСЯ И ЛОВИТЬ РЫБУ ВОСПРЕЩЕНО!

ПРИНЯЛИ МЕРЫ...

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

«Дорогой Крокодил!
Тульскому филиалу конструкторского бюро по автоматике необходимо решить деловые вопросы с руководством Щекинского ДОКа. Однако добиться приема у директора комбината тов. Буленко очень трудно...»
(Из письма в редакцию).

НЕВЕЖЛИВОСТЬ КОРОЛЕЙ

Шире шаг, товарищ читатель: поспешим в приемную. Не забыли ль мы чего-нибудь важного? Откроем же нервным движением на ходу свой портфель, либо чемоданчик «дипломат», или просто папку с тесемками. Кажется, все на месте: докладная, цифры, факты. Ажур, как сказал бы главбух, который, начислял вам гостиничные с суточными.

В приемной двадцать стульев стоят по трем сторонам, и девятнадцать из них заняты. Это ничего,— считаете вы, садясь на двадцатый, последний... Вам назначено на три, а сейчас без пятнадцати. Вы пришли с хорошим временным «люфтом», памятуя: точность — вежливость королей.

Вы оглядываете прочий люд, изнывающий на стульях. Вот старый командировочный лев, поседевший в стольких приемных... Он откровенно, не стесняясь секретарши, спит. А тот — начинающий. Это видно по его взгляду, прикованному к пружине над дверным тамбуром. Он смотрит на двери так пристально, словно боится пропустить возможный исход из них Петра Ивановича... Третий читает бумаги, четвертый смотрит в окно, пятый заметно нервничает. Шестой...

Стоп, стоп, стоп,— думаете вы, глядя на гарпунные стрелки величественной машины времени, стоящей у стола секретарши. Они приблизились к трем, и вот-вот, после шипения и вздоха заполнится помещение курантным боем... Часы действительно бьют, проходит еще десять минут, вы сверяете машину времени с вашей обычной «Победой», порыжевшей от старости. Все правильно: минута в минуту...

Вы подходите к секретарше, которая долго старается вас не замечать, отвечая сразу на три звонка.

— Товарищ,— говорит она таким голосом, словно обращается к неизлечимо больному.— Петр Иванович не принимает. У него народ.

Вы хотите вскрикнуть:

— А я-то разве не народ? И в конце концов кому назначено ровно на три, разве не мне?

Вы гасите этот внутренний вопль, садитесь на свое место и начинаете подсчитывать время, которое у вас украли.

Уже четыре часа тридцать минут! На четыре вы сами назначили свиданье просителю-смежнику и, таким образом, также похитили у него тридцать минут. Вы вспоминаете, как заклинал вас смежник явиться на рандеву вовремя, ибо в противном случае он не сможет встретиться с контрагентом, улетающим в пять часов в Подберезовск...

Ах, время,— думаете вы,— нет ничего дороже. Оно дороже даже денег, ибо, просидев здесь без толку уже полтора часа, вы к тому же затормозили пуск важнейшего объекта, отчего ущерб выразится не в рублях и копейках, а в потере поистине драгоценного ритма, динамики, энергии... Вы еще раз оглядываете просителей, томящихся в приемной. Сколько же потеряли они? Ого! Одних командировочных уже погублена уйма. А дел?.. А также кому-то назначенных встреч?..

Но вот на столе секретарши раздается самый важный звонок, и чудится, что это звонят не иначе, как из небесной канцелярии, ибо вслед за ним прокатывается по приемной как бы гром. Быстро-быстро вываливается из тамбура, резного и огромного, как собор Парижской Богоматери, «народ», о котором говорила секретарша. Это местные, учрежденческие сотрудники. Сминая секретаршу, вы бросаетесь в кабинет! О боже! Он пуст. Петр Иванович растаял, испарился, исчез, дематериализовался...

Ах, есть в кабинетах еще одна, задняя, маленькая дверь: это сквозь нее утек Петр Иванович. Но... не будем особо клеймить эту собирательную фигуру. Ибо бежал панически Петр Иванович не в кафе и не на домино. В главк поспешил он. И там обобщенный Петр Иванович тоже потеряет время. А оно, если уж вдуматься философски, имеет особенную стоимость, его нельзя вернуть ни за какие деньги!

Замедлим же шаг, товарищ читатель! Ибо идем мы уже не на важнейшую встречу. Словом, не на прием. Итак, куда же бредем мы? Не в пивную же. К себе в гостиницу. И там мы еще раз помянем родного учрежденческого главбуха и подумаем, что жаль, нет какого-нибудь универсального бухгалтера, поставленного наряду с часами во всех приемных. И считал бы, и считал бы, и считал бы он время, потерянное зря, из-за неточности, разболтанности, неуважения к посетителю. А потом, конечно, переводил бы минуты в звонкую монету. Потому что, как-никак, он бухгалтер. Ему не до философии: деньги счет любят...

Фельетонист

Е. ГОРОХОВ,
специальный корреспондент Крокодила

ЧУДО В ЧУДОВЕ

Автор должен сразу сказать, что в Новгородской области, в Чудовском районе, а точнее в совхозе «Пионер», который соревнуется с совхозом «Прилуки», никакой нечистой силы нет. Как-то: леших, чертей, кикимор и т. д.

Что интересно и что примечательно, товарищи? Это то, что кикимор нет, а болото как таковое есть и вокруг и везде.

Вместо земли-матушки — сплошные болота. Стоят и блестят. Словно это глаза леших, радостно блестят, нагло: дескать, попробуйте нас искоренить, если вы такие смелые.

Пробуют, я видел. И неплохо это у них получается: один за другим гаснут болотные огоньки.

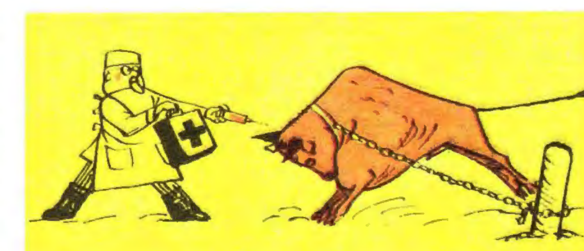

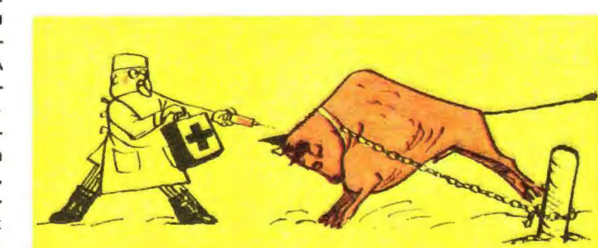
ТРАКТОРИСТ ВАСИЛИЙ ПРОНИН

Особенно сильное наступление началось после постановления ЦК КПСС о нечерноземной зоне. Тут и технику понагнали, и шефов из Ленинграда привезли, и асфальт стали укладывать туда-сюда. Ну и вообще...

И загудела в местах ее величества Кикиморы новая жизнь, затарахтела жизнь по-другому, по-современному. Так что в будущей пятилетке на тех болотах, где собирали дачники клюкву, станут собирать колхозники рожь да пшеницу. А там, где прыгали лягушки-царевны, будут степенно пастись коровы и смотреть своими глупыми глазищами на всякие новости слева и справа.

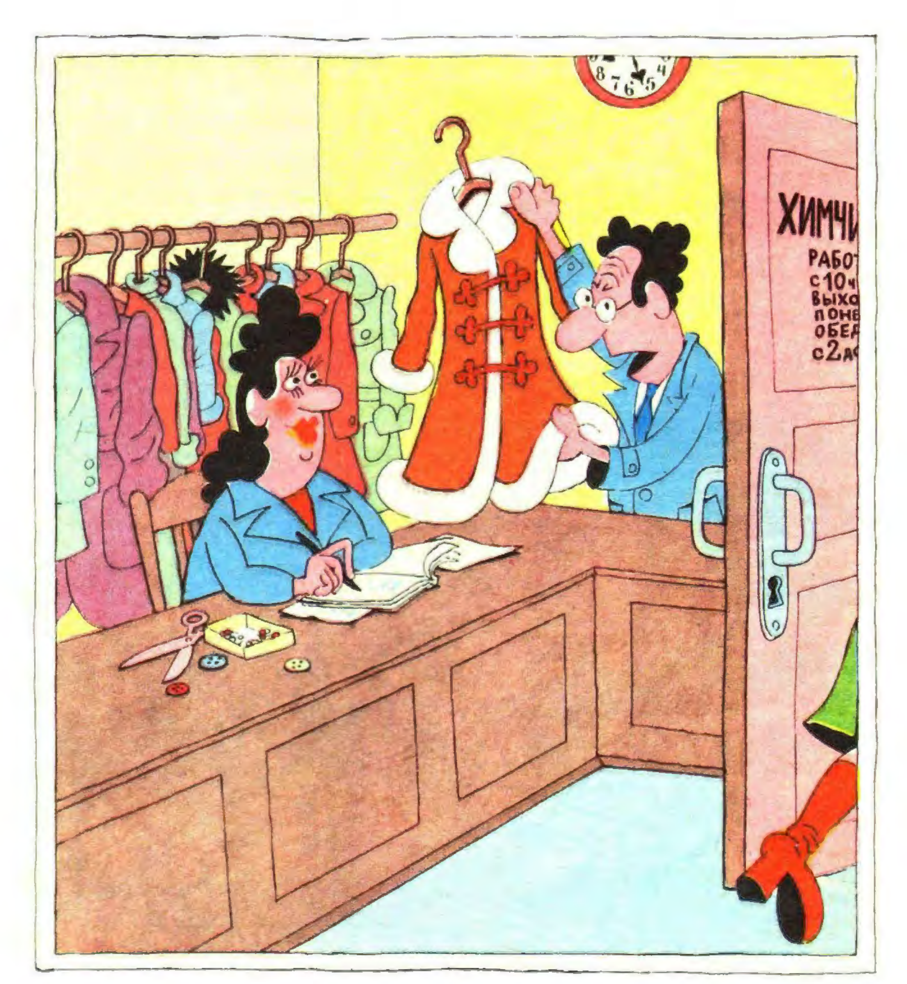
А вокруг будет много интересного и занимательного. Так что в совхозе «Прилуки», имейте это в виду!

Вдали, например, будут стоять только трехэтажные дома: пятиэтажные без лифта не очень-то хотят на селе. Трактора, наверное, будут оснащены мягкими спальными местами на случай второй смены. Коровники перейдут на кнопочное, а может, даже и дистанционное управление. Это, конечно, шутки, но в них есть доля правды. Не вообще, а в частности.

«В химчистку Дома быта г. Череповца мною был сдан полушубок, который, как мне заявили, пропал. И это не единственный случай, а довольно частое явление».
(Из письма в редакцию В. Е. Журихина).

— Как записать?
— Пиши — пропало...

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

Варлен СТРОНГИН

Рассказ

За судейским столом сидели трое, а напротив, на скамье подсудимых, улыбаясь, развалился Набегин.

— Чего это вы меня позвали? Выпить, что ли? Так я мигом организую. Пошлю в магазин Наташу.

— Замолчите, Набегин,—прервал его судья.— Вы обвиняетесь в причинении государству убытков на сумму свыше полумиллиона рублей.

— Я? Да вы с ума сошли!

— Не прикидывайтесь наивным ребенком, Набегин. Вы в течение шести лет руководили отделом комплектации?

— Да. Я.

— Но вы совершенно не знали дело. Это так?

— И так. И не так. С одной стороны, не знал. Но с другой стороны, меня назначили на пост начальника. Значит, я подходил.

— Но вы неправильно комплектовали оборудование, не туда его засылали. Вы даже подбирали себе неквалифицированных подчиненных.

— Ну и что? Не мог же я брать сотрудников, знающих больше меня. И вообще, мужики, зачем об этом вспоминать. Лучше я сбегаю за бутылкой.

— Сидите, Набегин. Убытки по вашему отделу составили пятьсот сорок тысяч рублей. И это первое обвинение. Далее вы обвиняетесь в том, что сломали жизнь своей бывшей жене Зое Борисовне Набегиной.

— Уж это вы слишком, мужики! Вмешиваетесь в личную жизнь. Некрасиво. Я прожил с Зоей двенадцать лет, но потом встретил Иру. Вы ее знаете. Двадцать один год. Ноги от плеч. В глазах бес. Тут сам ангел не удержится. А Зоя дала развод. Без скандала. Алименты плачу.

— Алименты... Вы отняли у своей жены лучшие годы...

— Мужики, любовь — это сугубо личное дело.

— А ребенок?!

— Ребенок учится в спецшколе! Занимается фигурным катанием. Изучает язык!

— Но это заслуга Зои Борисовны. А ребенок травмирован вашим уходом из семьи, переживает, мучается.

— Мужики, бросьте молоть чепуху. У ребенка отличное здоровье. Дай бог нам с вами такое. И зачем ворошить прошлое? Сходим в ресторан, выпьем за все хорошее!

— Сидите, Набегин. Вы сломали жизнь человеку. И, наконец, вы обвиняетесь в убийстве Николая Алексеевича.

— Вы совсем спятили, мужики! Он умер от сердечной недостаточности. Я сам видел справку.

— Но за четыре дня до смерти вы вызвали Николая Алексеевича к себе и устроили ему разнос. Почему?

— Я сейчас не помню, мужики. Видимо, нужно было.

— Да это было вам нужно. В тот день Николаю Алексеевичу исполнилось шестьдесят лет. Вам хотелось выпроводить его на пенсию.

— Да! Хотелось! Я обещал его должность Ире! Я любил ее! Любовь все оправдывает!

— Какая любовь, Набегин! До Иры были Оля и Вера, а сейчас Наташа. После несправедливого разноса у Николая Алексеевича случился инфаркт. Вы обидели честнейшего человека, отличного работника и именно в день его юбилея. Через четыре дня он умер.

— Через четыре дня! И не у меня в кабинете! Может, он с женой поругался. И вообще у него было больное сердце. При чем здесь я?

— Не юлите, Набегин. За убийство человека и другие тяжкие преступления вы приговариваетесь к высшей мере наказания!

— Это по какому закону? — сказал Набегин, приподнимаясь со скамьи.

— По какому?..— задумался судья.— По закону двухтысячного года!

— А сейчас, мужики, тысяча девятьсот семьдесят пятый! — сказал Набегин и спокойно вышел из комнаты.

Игорь ТАРАБУКИН

Много ль надо человеку?

Много ль надо человеку!
Крыша, стол, штаны, очаг...
Человек — к прилавку с чеком:
— Заверните и пиджак!
— Хорошо. Пусть будет так.

Много ль надо человеку!
Крыша, стол, штаны, пиджак...
Лампа, стул, новинка века —
Поролоновый тюфяк.
Ваза, кресло, рюмки, карты
И ковер под общий стиль...
Человек сказал с азартом:
— Мне б еще автомобиль!
— Ладно. Мчи, вздымая пыль!..

Много ль надо человеку!
Крыша, стол, тахта, тюфяк,
Шкаф, пластинок фонотека,
Пять пальто, восьмой пиджак,
Два серванта, три сервиза,
Безделушек миллион,
Холодильник, телевизор,
Пылесос, магнитофон,
«Жигули», гараж в придачу,
Личный катер, бар-камин,
Плед, ковер, качалка, дача,
Пуф, торшер, набор гардин,
Люстры, бра...
. . . .

— Братцы, а человек-то где!!

г. Свердловск.

С. БОДРОВ, специальный корреспондент Крокодила

А я играю на гармонии...

Идете вы в теплый день по армавирскому базару, а полная девушка в тесном платье с широким вырезом сочно улыбается и предлагает:

— Купите синеньких!

Непременно остановишься, прицелишься и купишь синеньких. Пройдешься по другим рядам и наберешь полную корзинку. Отчего же не взять, если товар хороший? Так с корзинкой и возвращаешься домой в благодушнейшем настроении. Куры в пыли возятся, солдаты в баню маршируют, пахнет из-за гор Кисловодском... Словом, идиллия.

Поэтому так нелепо выглядят на этом фоне небритые представители Армавирской фабрики музыкальных инструментов, которые толпятся на виду у прохожих около ворот оптовой базы и просят охрипшими голосами:

— Примите товар — три вида гармонии «Хромка» и два вида баяна «Кубань»!

— Не примем! — твердо отвечают из-за ворот.

— Примите! Вот договор на шесть тысяч штук! — глухо говорят представители.

— Вам же хуже будет! — угрожают из-за ворот. — Мы примем и тут же обратно пришлем! Сами знаете, какое у вас качество...

Нечем на это крыть взопревшим представителям. Уныло плетутся они назад. Скучно обстоят дела на фабрике. Выпьет «маленькую» старший инженер ОТК Карачинцев, споет песню композитора Шаинского «Не плачь, девчонка», заклеймит продукцию первым сортом — вот и развлечение. А если серьезно, ползут вниз все показатели. По производительности, по дисциплине, по качеству и по сбыту...

«Какой выписать рецепт?» — ломает себе лоб в далекой Москве начальство по имени Главмузпром. Ломает оно лоб недолго. Ведь есть уважаемая наука, которая как раз призвана тянуть вверх перечисленные показатели: НОТ — лекарство века. Вот что поможет научно, с анализами и рекомендациями, справиться с бедами!

И на Армавирскую фабрику музыкальных инструментов для решения наболевших проблем направляется выпускница десятидневных Новочеркасских курсов Лидия Кузуб. А вдогонку — бандероль с брошюрами.

— Теперь я специалист по научной организации труда! — с гордостью говорит Лидия своим знакомым.

Знакомые, конечно, завидуют, что Лиде удалось так быстро получить современную специальность, и спрашивают адрес курсов.

А Лидия добросовестно заучивает наизусть литературу, присланную из главка. Литература советует работающим:

1. Приготовь приспособления.
2. Удали грязь.
3. Крепче ставь ноги.

А также обещает повысить на одиннадцать процентов производительность труда при помощи вечнозеленых растений, расцветки штор, напоминающей морские волны в закатный час, и голубого пластика.

Вооружившись знаниями и крепко прижимая к груди брошюру, Кузуб отправляется на анализы.

— А я знаю, почему вы такие сумрачные! — радостно восклицает она в сушильном цехе. — На вашу нервную систему угнетающе действует темно-серый цвет трубопровода! Фу, какой мрачный цвет... А вот мы сейчас его красной краской! Вы себя сразу не узнаете!

Работницы молча ее выслушивают, а Анастасия Григорьевна Изюмская спрашивает:

— Ты кто такая?

— Да я по научной организации труда... — слегка теряется специалист.

— Так скажи мне, какая наука нужна, чтоб нам с этой трубы за шиворот не капало? — гремит тетя Анастасия. — А то ведь вся спина мокрая!

Одним словом, в тесных, как курятники, цехах и подсобных помещениях, на кишечно-узких участках неповинную Кузуб встречали не очень приветливо.

— Вот вам мои скромные научные рекомендации, — сказала Кузуб задумчивому директору фабрики Ратнеру. — Администрация должна усилить борьбу с пьянством в ОТК, выдать мужчинам черные сатиновые штаны, провести вентиляцию в цех оклейки, а также починить трубу, чтобы тете Анастасии не капало за воротник...

Скажем сразу — разумным предложениям не суждено было сбыться. Администрация проводила дни в раздумьях. С тихой улыбкой вспоминал директор то время, когда он был молодым человеком и учился в гимназии. Что за чудное было время! Какую гармонь ни сделай, с руками оторвут. Потому что все покупали гармонии — крестьяне и акцизные, купцы и извозчики. Сядут в трактире и пиликают...

Теперь — не то. Полноценного звучания требует всесторонне образованный покупатель. Чуть зафальшивит верхнее «до», кривит он гримасу. И если наслаждаемся мы звонкими переливами гармонии где-нибудь на свадьбе, на проводах в армию или на концертах Ольги Воронец, то слышим мы не армавирские переливы. Армавирский инструмент нынешние гармонисты брать отказываются. Пеняют на низкое качество, привереды...

В воспоминаниях о днях минувших шли дни, но наступил четверг, когда Главмузпром потребовал срочную информацию о положении дел на научном фронте. Об охвате, численности и внедрении НОТ в массы. И упаси, конечно, промедлить с донесением. Ох, строго начальство в этом отношении!

— Не было у нас хлопот, так купили порося... — задумчиво сказал директор Ратнер и посмотрел на Кузуб.

А та, по-женски принимая все близко к сердцу, запаниковала:

— Чего сообщать? Карачинцев снова выпивши, качество не усилено, вентиляция не проведена, производительность падает, мужчины ходят без сатиновых штанов, а тете Анастасии по-прежнему капает за воротник. Ой, и влетит нам!

— Не паникуй, Лидия, — сказал директор Ратнер, пожилой и мудрый человек. — Не тревожь руководство. Кто сказал, что у нас не внедряется НОТ? Полотенца у рукомойников стали чаще стирать?

— Чаще...

— Вот и сообщай!

Так полетело в Москву первое сообщение о крупных победах.

В центре остались довольны. И пошло...

Как мясники, крякали почтовые служащие, доставляя ежеквартально пудовые мешки с умильными отчетами о внедрении НОТ. Жасмином благоухало от корреспонденции. Если бы знали трудяги с почты, что таскают они в мешках, возмутились бы, наверное! Зато Главмузпрому такие отчеты не доставляли никаких хлопот и потому текли из года в год в заведенном порядке...

Конечно, стирка полотенец — дело хорошее. Но в данной ситуации она могла помочь Армавирской фабрике не больше, чем мертвому припарки. Да и вообще можно ли в этом конкретном случае средствами НОТ решить основные наболевшие проблемы фабрики? Очевидно, что никак нельзя подменить одно другим...

В конце прошлого года на фабрику завезли швейные машинки и рулоны брезента. Отставив в сторону гармонии, весь трудоспособный коллектив дни и ночи крутил педали, оглушая жителей окрестных домов пулеметным стрекотом: чтобы избежать банкротства, музыкальная фабрика шила чехлы для автомашин...

— У нас есть предприятия, где положение обстоит еще хуже,— вздыхает командование Главмузпрома.

— А как дела с внедрением НОТ?

— Товарищ Цейтлин! Расшифруйте донесения! — раздается приказ.

— Донесения расшифровала! С внедрением НОТ все в ажуре! — рапортует товарищ Цейтлин.

И тут есть причина для большого удивления.

— Позвольте, нет ли здесь дискредитации уважаемой науки? — спрашиваешь командиров.— Ведь НОТ призвана тянуть вверх производительность труда и другие показатели? Скакать, так сказать, с ними в одной упряжке?

— Должна скакать...— соглашаются командиры.

— Но не странно ли: производительность хиреет, а НОТ в Армавире прет ввысь? Как же так?

Командиры надолго задумываются. Потом следует грозное:

— Подать сюда директора фабрики!

...В воздухе пахнет уже весной, и индюки начинают гоняться за индюшками.

«Нет,—думает директор фабрики Ратнер,— я уже немолодой человек. Мне семьдесят три года. Пора на отдых».

Освободившееся место предлагают молодому инженеру-механику, демобилизованному солисту ансамбля песни и пляски Советской Армии. Солист поначалу решительно отказывается. Но вот уже неделю он ходит по фабрике, соображает, как наладить производство, много курит, сидит допоздна в кабинете.

А когда звезды высыпают на небе, молодой директор достает старую гармошку, сделанную когда-то кустарем-умельцем, кладет на колено и тихо наигрывает что-то печальное...

г. Армавир.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Новое в строительстве.

Им. ЛЕВИН

КАК ОБЫЧНО

Рассказ

Павел Петрович чихнул и проснулся. Было тихо. П. П. несколько удивился этому обстоятельству и перевел взгляд на книжную полку. Луч солнца упирался в пятый том сочинений известного английского классика Шекспира — значит, было двадцать пять минут девятого. Обычно П. П. вставал на два тома раньше. В конце четвертого тома он провожал на работу жену, а сейчас самое время уже и ему самому выходить.

— Ну и заспался же ты сегодня,— сердито пробурчал сам себе П. П. и быстро вскочил, он кое-как ополоснулся, что-то перекусил и как-то домчался до работы.

У входа Мария Тимофеевна, как всегда, вязала и, увидев П. П., как всегда, поприветствовала его взмахом спиц, делая при этом очередной узел.

«Любопытно,— как всегда, подумал П. П.,— сколько узлов в час она делает?» Но спрашивать и тем более выслушивать ответ, как всегда, было некогда, и он поднялся к себе.

Весь отдел был уже в сборе, и каждый занимался своим делом.

— Вечно вы опаздываете,— прошелестела Кира Семеновна, хотя права на такой шелест у нее почти не было: ее стол был лишь на несколько сантиметров шире стола П. П., а по зарплате они вот уже который год шли рубль в рубль.

Но П. П. промолчал. Он помнил, что еще вчера шеф строго-настрого приказал ему срочно закончить сводный отчет. Поэтому он сразу же включился в работу, благо все цифры были им собраны накануне.

Правда, два раза его отрывали от бумаг. Сначала Машенька попросила у него, как и у всех, рубль на коляску для Ниночки из бухгалтерии. П. П. безропотно подчинился, хотя смутно подумал: когда же это Ниночка родила, ведь вчера еще вроде ничего заметно не было. Но расспрашивать не стал: понимал, дело деликатного свойства — можно нарваться на неприятность. У одних бездетные браки, у других — безбрачные дети... Потом Тихон Иосифович, как всегда, задал ему несколько вопросов из вечерочного кроссворда. П. П. без запинки назвал по горизонтали неврилемму — оболочку нервных клеток, и по вертикали Менандра — древнегреческого драматурга.

Да, все было привычно. Вера Карповна с помощью телефона вела дистанционное управление учебой и питанием своего Вовика, а Света, как всегда, полусловами, междометиями и мхатовскими паузами все выясняла и никак не могла выяснить отношения с Костей, Борей и Валериком.

В обеденный перерыв П. П. вместе со всеми спустился в буфет, как всегда, чертыхнувшись по поводу меню, которое не менялось вот уже много месяцев.

К пяти часам П. П. представил шефу сводный отчет, тот просмотрел его, указав на две-три небольшие неточности, а в целом одобрил и даже поблагодарил.

Возле гардероба Павла Петровича заинтересовал разговор двух плановиков из соседнего отдела. Они оживленно обсуждали результаты вчерашнего футбольного матча «Спартак» — «Зенит».

— Позвольте,—не выдержал П. П.,— но ведь «Спартак» сейчас находится за рубежом. Я сам читал и даже видел по телевидению фрагменты во вчерашнем выпуске...

Оба плановика в упор посмотрели на П. П. и потом, словно по команде, рассмеялись.

— Ну и шутник же вы, Павел Петрович! Да вы же о прошлогоднем зарубежном турне «Спартака» толкуете. А мы о нынешнем первенстве.

— Не может быть...— еле слышно пролепетал Павел Петрович.

Но плановики ничего не услышали и удалились.

Только дома за ужином П. П. узнал от жены, что он пролежал в летаргическом сне целый год.

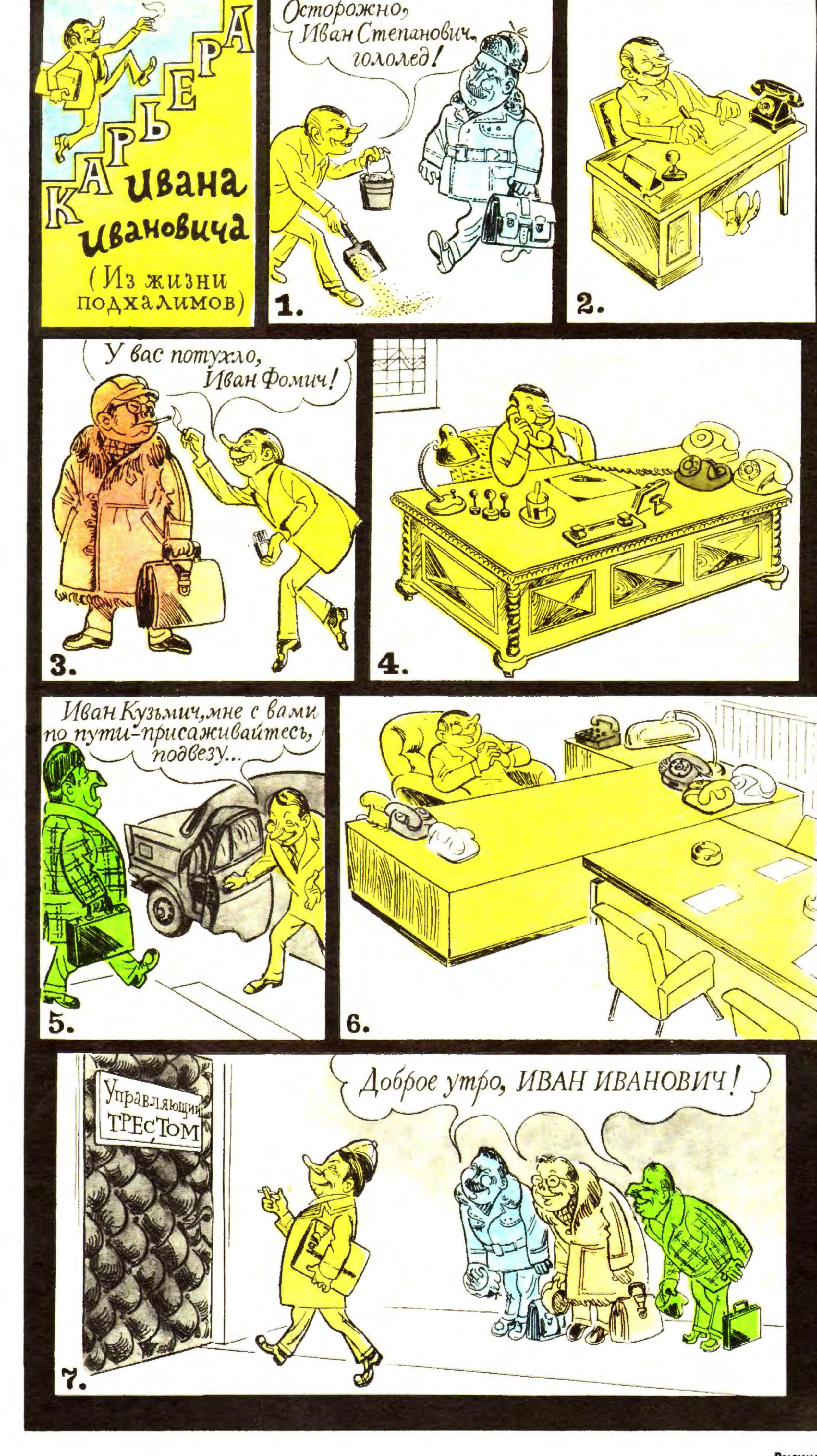

Рисунок М. БИТНОГО

«Королева Марго» за бортом!

Почти пять столетий назад Христофор Колумб, застигнутый в море штормом, сделал на пергаменте выписки из судового журнала, упаковал их в парусину и бросил ее в море. Так было положено начало загрязнению Мирового океана.

Современные моряки, застигнутые и незастигнутые, пишут гораздо больше — отчеты, рапорты, объяснительные, ведомости, табеля, графики. И тоже доверяют их волнам. Хотя и не сразу, а когда они отслужат свое. Любое судно могло бы осчастливить контору Вторсырья. Но, видно, эта организация процветает и без нашей макулатуры. Иначе она бы давно оснастила корабли контейнерами для сбора ненужной бумаги. Или забирала ее по прибытии судна в порт.

Пока что функции Вторсырья взяло на себя море. Плывут за кормой подшивки газет, шнуровые книги, листки и кипы бумаги. Разбухшие, несъедобные!.. Только с нашего теплохода ежегодно выбрасывается за борт полторы-две тонны бумаги. А ведь торговый флот страны насчитывает не одну тысячу кораблей!

Вот если бы обитатели моря, ну хотя бы те же дельфины, настолько поумнели, чтобы собирать макулатуру и сдавать ее куда полагается! Сколько «Королев Марго» они могли бы получить взамен!

В. ВАНИН,
капитан т/х «Кыпу»
Эстонского морского пароходства.

Самый короткий год

Знаете ли вы, что 1975 год будет длиться всего 364 дня? Такого мнения, во всяком случае, придерживаются составители табель-календаря, выпущенного «Гознаком». В этом календаре прекрасный весенний месяц май содержит всего 30 дней. И это, конечно, обидно. Если требовалось сократить нынешний год, сделали бы это за счет холодного, вьюжного декабря!

МАЙ

ПН		5	12	19	26
ВТ		6	13	20	27
СР		7	14	21	28
ЧТ	1	8	15	22	29
ПТ	2	9	16	23	30
СБ	3	10	17	24	
ВС	4	11	18	25	

В. КОНЯХИН.

Деньги на бочку

Ученики седьмого класса чего-то вертелись на уроке. Перешептывались и что-то показывали один другому из-под парты.

— В чем дело, Сережа? — строго спросила учительница у одного из самых шустрых.

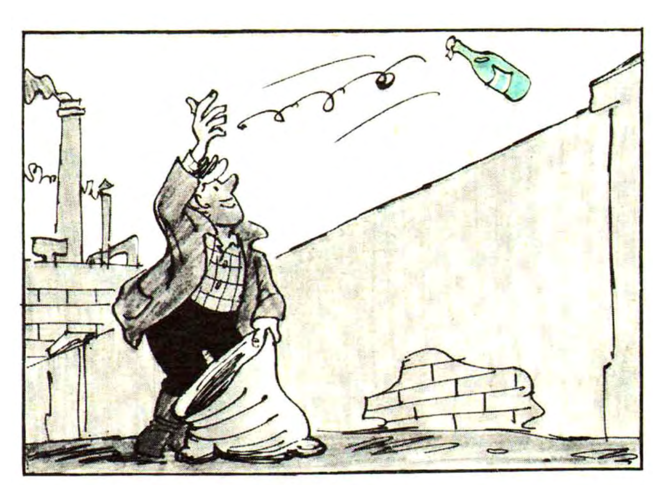
— Он уже не Сережа, а Сергей Александрович Зазулин,— ответил за Сережу его бойкий сосед.

Сережа же смущенно протянул учительнице официальную бумажку, в которой к нему действительно обращались, как к взрослому и самостоятельному человеку. Да не по какому-нибудь там пустяковому вопросу, а по денежному. Правление колхоза «Вперед» предлагало тринадцатилетнему гражданину Зазулину Сергею Александровичу «погасить задолженность в срок».

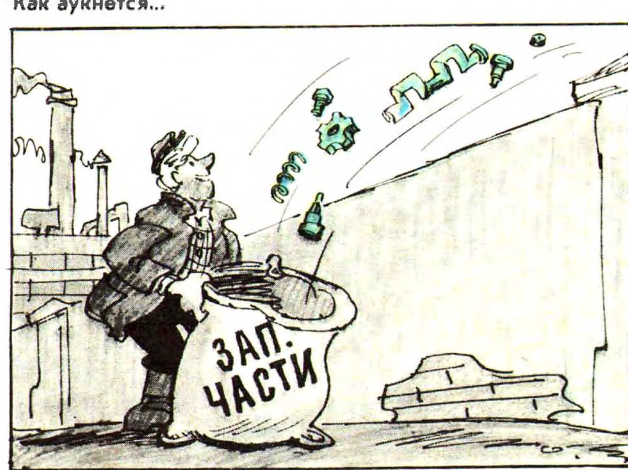
Такие же предупреждения держали в руках и остальные ребята. А задолжали они колхозу осенью, когда работали на уборке картофеля. Денег за работу школьники не получили, зато получили вот эти извещения — счета за единственный обед, которым их покормил колхоз во время осенних работ.

Что и говорить, берегут общественную копейку руководители колхоза «Вперед», что в Новохоперском районе, Воронежской области!

В. КОНОВАЛОВ.

Как аукнется...

так и откликнется...

Рисунок В. ЖАРИНОВА

ЧУТКОСТЬ С ВОЗВРАТОМ

Жизнь похожа на медаль. У нее две стороны. Парадная и будничная.

В столичном Быковском аэропорту в смысле парадности все безоблачно.

Был праздник. И ветеранам войны, цветя улыбками, вручили поздравительные открытки. А также по десять рублей. Бывшие фронтовики были очень тронуты.

Отлетел последующий сугубо деловой месяц. В обычный будний день ненароком обнаружилось: наградные десятки аккуратно обложены подоходным налогом и удержаны из ветеранских доходов...

Ах, это ошибка! Так сказало начальство, дав честное аэрофлотское все исправить.

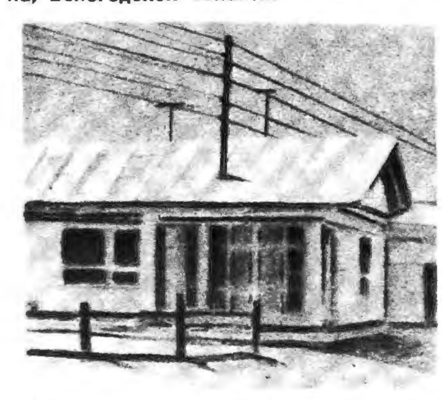
Но летная погода сменялась нелетной, потом опять летной. Месяцы проносились со скоростью ТУ-114. Оригинальный почин — премировать за счет премируемых — никак не исправлялся.

— Десять рублей, конечно, небольшая сумма.— говорят бывшие солдаты.— но к чему такие обидные нас мешки?

А. ЭРОПОРТОВ.

«ЖИЛСТОЛБ»

Принципиально новый проект жилых домов под таким названием освоен в поселке Зеленый берег, Кадуйского района, Вологодской области.

Сделано это, как видно, не зря. Есть множество способов использовать столб в быту. Дальновидные строители высвободили новоселов от ежегодных забот о приобретении дефицитных елок. Отныне вечной елкой для них будет служить столб, в пазы которого легко можно вставить синтетические ветки. Будущие чемпионы могут тренироваться в лазании на столбе, не выходя из собственной комнаты. Его также можно использовать во время свадеб как добротную (на сто персон) вешалку, оборудовать под карусель. И, наконец, лицам, страдающим от бессонницы, будет приятно засыпать под неустанный гуд («Загудели, заиграли провода»).

Надеемся, что опыт строителей будет подхвачен.

Мих. ХОДАНОВ.

Закуска в нагрузку

Как известно, наша с вами, уважаемый читатель, многолетняя титаническая борьба против торговли с «нагрузкой» пока что не увенчалась победным результатом. Несмотря на глухие раскаты административного грома, доносящиеся время от времени с вершины торгового Олимпа, «принудительный ассортимент» так цепко завяз в ячеях торговой сети, что выдрать его оттуда не под силу клещами самых жестких приказов и повелений.

И все-таки негодующие покупатели доставляют труженикам прилавка кое-какие неприятности. Они берут штурмом кабинеты директоров магазинов, затевают изнурительные дискуссии и вообще мешают работать. Отсюда произрастает задача: как укротить полемический запал «нагруженного» излишним ассортиментом покупателя?

На сегодняшний день самое остроумное решение предлагает администрация вокзального ресторана «Колос» (станция Рубцовск, Алтайский край). Здесь, в ларьках от этого ресторана, вы можете приобрести бутылку свежего пива с обязательными «довесками» в виде котлеты и пирожка далеко не первой свежести. Ну, а если вас эта закуска не прельщает, то ларечница вполне любезно пошлет вас к директору ресторана: с ним, мол, и объясняйтесь.

Но директор-то далеко («пойдете налево, потом направо, потом опять налево...»), а миг отправления вашего поезда близок. И через минуту вы уже в вагоне, и вот уж замелькали «версты полосатые»... А какой же прок в критической стреле, удаляющейся от мишени со скоростью шестьдесят километров в час?!

Итак, в сфере вокзальной торговли проблема избавления от «нагруженного» покупателя, кажется, решена. А как быть с покупателем оседлым, который протестует, что называется, не отходя от кассы? Посмотрим, посмотрим...

А. В.

Мне 26. Окончил факультет журналистики МГУ, работаю специальным корреспондентом газеты «Труд». Повсюду встречаю прекрасных людей. О них пишу очерки в газету. А об отрицательных типах и явлениях — сатирические рассказы. В марте этого года в Москве проходило VI Всесоюзное совещание молодых писателей. Я был в числе его участников. И как раз там узнал, что «Крокодил» собирается печатать мой рассказ...

Андрей ЯКОВЛЕВ

ТИПУН

Рассказ

У меня случилась неприятность: повисла на вороте брань. Выходя из троллейбуса, я зацепился за какого-то нетрезвого дядю, и он выругал меня крепко, не стесняясь присутствия женщин и детей. Длинно выругал. Фраза его оборвалась на середине, когда троллейбус захлопнулся и поехал. Я пожал плечом — подумаешь... Не сахарные, не растаем. Вдруг чувствую на шее какую-то тяжесть. Потрогал рукой. Так оно и есть — брань. Прицепилась, проклятая.

Какая она с виду? Похожа на моток колючей проволоки. При ходьбе скрежещет и впивается в тело. Избавиться нужно от нее, отрезать немедленно. Вбежал я в швейное ателье. Бросаюсь к приемщице. «Девушка, помогите!» А она мне говорит бесцветным голосом и почему-то сразу на «ты».

— Сам запутался, сам и распутывайся. Дикобраз!

— Но послушайте...

— Ступай вон, хулиган.

— Да погодите...

— Тебе говорят, алкоголик. Добром прошу.

Она щелкнула перед носом огромными портняжными ножницами. Я застонал и, двигаясь боком, покинул ателье. Шлеп. Шлеп. Шлеп. Это повисла на вороте новая брань. Вот и верь пословице. «Не виснет...» Еще как виснет! Стало трудно дышать. Тяжело идти.. Я попробовал распутать клубок. О-о-о-о-о! Боль нестерпимая. На все готов, лишь бы выпутаться.

Гастроном. Мясной отдел. Топоры. Пусть рубят мне брань острыми топорами. Голова? Наплевать. Я подозвал двух румяных молодцов и сказал задушенным голосом: «Помогите... Отрубите...» Они взвесили меня на глазок и спросили внятно:

— Значит, нету бутылки? Тогда катись туда и растуда...

Шлеп. Шлеп.

Катиться я не мог. Я рухнул на пол под тяжестью новой брани. Вызвали «Скорую». Быстрый белый автомобиль доставил меня в клинику, на операционный стол к профессору Вишневецкому. Мудрый старик сразу все понял.

Дышать стало немного легче. Над головой зажглись ослепительные лампы. Профессор подступил ко мне, протянув в стороны длинные руки.

— Бинты! Щипцы! Скальпель! — отрывисто бросал он во все стороны.— Пинцет! Ланцет! Зажим!.. И пенсне, пожалуйста! Готово? Начали!

Профессор резал проклятую брань, ломал ее, давил, долбил и выкручивал. Не помогало. Тогда он стал ее щипать, корежить и надковыривать. Бесполезно. После часа его усилий и моих мучений сломался ланцет и треснуло двое щипцов. Хрупкий хирургический инструмент был негож к такой работе. Профессор крякнул и попросил принести что-нибудь попроще. У него появился новый ассистент — водопроводчик дядя Сережа.

— Долото давай! — раздавалось в операционной.— Кувалду! Зубило!

Тот же результат. Что пережил я в эту ночь, про то знаем только мы со стариком Вишневецким. Наконец дядя Сережа сел на пол и сказал, что у него сводит колени.

До утра мы не спали. Я корчился в тесных объятиях брани, а профессор сжимал виски, протирал очки, хрустел костяшками и нервно курил. За окном одна за другой стали гаснуть звезды. «Эврика!» — сказал профессор. Я молчал, потому что дышал еле-еле.

— У каждой пословицы есть свой антипод,— рассуждал профессор, щупая мне пульс. Одна гласит «не пойман, не вор», а другая — «на воре шапка горит». Одна — «брань на вороте не виснет», а другая — «типун тебе на язык». Представьте, я нашел выход. Будем делать типун.

Неделю я продержался на психотерапии. Медсестра Наташа обещала, что пойдет за мной на край света. Фельдшерица Александра Николаевна льстила мне, говоря, что в профиль меня можно спутать с артистом Баталовым. Санитарка тетя Соня с трепетом признавалась, что взгляд мой, как у моряка: жжет от головы до пяток. Все это время профессор Вишневецкий сотрудничал в больничном подвале с дядей Сережей. Они паяли, пилили и приглашали для консультации крупных специалистов. Наконец типун был готов.

Он состоит из обруча, который надевают человеку на голову. С одной стороны к обручу крепится прибор, реагирующий на бранное слово. А с другой приделано нечто вроде защепки для белья. Лишь только слово произносится, защепка хватает за язык. Как объяснил профессор, типун, защелкиваясь, уничтожает какое-то поле. Какое именно — наука пока не знает. Известно, что оно очень липкое. Из-за него брань не отодрать от ворота.

И вот настал день избавления. В операционную привели двух мясников, девушку из ателье и пьяного гражданина — копию дяди из троллейбуса. Правда, он был пониже ростом и на лицо приятней, но выражался одинаково. Поддерживаемый тетей Соней, я предстал перед моими хулителями. Ах, как к лицу им были новенькие типуны...

— А, дикобраз,— приветствовала меня девушка из ателье.

Пьяный гражданин глянул на меня и выразился нелитературно.

Щелк. Щелк. Это вскочили типуны. Тень-дребедень! С меня отлетела часть брани. Я с надеждой уставился на мясников. Но они молчали, задумчиво шевеля красными ручищами.

— Как поживаете, молодые люди? — галантно осведомился профессор.— Раскройте душу, поделитесь сокровенным...

— Чего тебе надо, старый хрен? — стараясь выражаться культурнее, сказали они хором.

Щелк. Щелк. Блямц, блямц...

С меня слетели и покатились по полу остатки брани. Я с чувством пожал руку профессору, расцеловал медсестер и наконец покинул больницу. К тротуару подкатил переполненный троллейбус. Его жаркая атмосфера, полная обид и недоразумений, больше не пугала меня. Даже если прилипнет что к вороту... Типун вам на язык!

ГЛАВБУХ

ГОДОВОЙ ОТЧЕТ

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ («...и один из вас предаст меня, говорю я вам»).

Сатира в бою

ПО ФАШИСТАМ — ПРЯМОЙ НАСМЕШКОЙ!

Сатира и юмор на службе антифашистского Сопротивления

Нам не хотелось бы, чтобы у молодого читателя при взгляде на эти страницы возникло ложное представление, будто движение Сопротивления на оккупированных фашистами территориях было веселым делом.

Нет. Черная ночь террора и бесправия опустилась на земли, оказавшиеся во власти нацизма. Облавы, расстрелы, концлагеря, лай овчарок, черные мундиры СС, кровь, хруст костей в застенках гестапо. Но под игом фашистских поработителей зрели гроздья народного гнева. Самые отважные уходили в подполье, в партизаны. И на вооружение брали не только гранаты и автоматы, но и шутку.

Анекдоты тех времен хранятся в народной памяти и на пожелтевших страницах подпольных газет. Тогда на оккупированных землях не писали пространных антифашистских сатирических романов, пьес и сценариев. Не до больших полотен было. Самым оперативным и компактным видом подпольной и партизанской сатиры был анекдот, байка, шутка. А там, где патриотам удавалось выпустить подпольную газету, рядом с сатирической миниатюрой тут же появлялась ее единокровная сестра — карикатура.

В Югославии, например, более четырех лет партизаны и бойцы Народно-освободительной армии сражались с врагом оружием и боеприпасами, в основном отбитыми у фашистских захватчиков. Но зато целиком своими у них были отчаянная смелость и, конечно же, чувство юмора. Даже в самых трагических обстоятельствах югославы не теряли способности зло посмеяться над лютым врагом и добродушно пошутить над другом.

И так в каждой оккупированной стране.

Даже в гитлеровской Германии существовала антигитлеровская сатира. С оглядкой, шепотом, рискуя головой, люди обменивались едкими шутками в адрес бесноватого фюрера и его генералов.

Повесить или к стенке?

Из чехословацких антифашистских анекдотов

— Ты не знаешь, почему у нас на три года закрыли высшие учебные заведения?

— Знаю: чтобы немцы могли нас догнать по культуре.

Одного словака спросили, изучает ли он немецкий язык.

— А зачем мне его изучать? Немцы говорят, что будут сражаться до последнего человека. С кем же я потом буду разговаривать?

В Германии люди делятся на две группы: на оптимистов и пессимистов. Оптимисты говорят: «Эту войну мы проиграем!» А пессимисты говорят: «Это мы сами знаем, но когда?»

Артиста Гавличека заставили выступать на концерте перед немецкими солдатами. Он вышел на сцену с высоко поднятой правой рукой. Бурные аплодисменты. Когда шум утих, артист сказал:

— Так высоко прыгает мой пес, когда я возвращаюсь из театра домой.

За это он получил месяц тюрьмы. Отбыв наказание, он вышел на эстраду с еще выше поднятой рукой. Снова аплодисменты.

— А так высоко прыгал мой Азорка, когда я вернулся,— объяснил артист.

В кабинете директора фирмы упал со стены портрет Гитлера. Уборщица, старая чешка, повертела портрет в руках и сказала:

— Не знаю — повесить фюрера или поставить к стенке?

Перевел В. НАСОНОВ.

СТАЛИНГРАД

Гитлер: — Куда ступит нога немецкого солдата, там она и останется.

Рисунок Антона ПЕЛЬЦА, Чехословакия, 1943 г.

ЕДКИЙ ШЕПОТ

Немецкие анекдоты военного времени

Старая крестьянка посетила в конце декабря 1941 года сельского учителя и увидела впервые в своей жизни глобус.

— Покажите мне, пожалуйста, господин учитель, где находится Франция.

Учитель показывает ей Францию.

— Довольно большая эта Франция,— говорит старушка.— А где Соединенные Штаты Америки?

— Здесь, милая женщина.

— О, они еще больше! А где Советский Союз?

Учитель показывает ей.

— А где мы?

Палец учителя касается Германии. Крестьянка озадаченно смотрит, а затем говорит:

— Господи, почему никто не подарит фюреру такой глобус!

В бомбоубежище верноподданный гитлеровец громко заявляет:

— Где бы мы были сейчас, если бы у нас не было фюрера?

— В постели! — отвечает голос из темного угла помещения.

В борьбе за окончательную победу на Восточном фронте фюрер приказал сократить беременность с девяти месяцев до четырех.

Посетитель заходит в банк и хочет внести 200 марок.

— Деньги не пропадут? — спрашивает он.

— Само собой разумеется,— отвечает кассир.

— А если ваш банк лопнет,— интересуется клиент,— что тогда?

— Тогда великий рейх гарантирует ваши деньги! — восклицает работник банка.

— А если лопнет великий рейх, что тогда?

— Ну, разве вы пожалели бы для этого 200 марок?

Верховное командование вооруженных сил ставит в известность: «Мужчины старше шестидесяти лет могут быть освобождены от службы в фольксштурме, если они представят справку, что их отцы находятся на фронте».

Если во время воздушной тревоги люди, приходящие в убежище, говорят: «Добрый вечер!», значит, они еще не спали. Если люди говорят: «Доброе утро!», значит, они соснули пару часиков. Если же говорят «Хайль Гитлер!», значит, они еще окончательно не проснулись.

«У нас самый дешевый транспорт в мире! — говорили берлинцы в апреле 1945 года.— За двадцать пфеннигов можно проехать на метро с Западного фронта на Восточный».

Когда война окончится, Гитлер, Гиммлер, Геббельс, Геринг и фельдмаршал Кейтель повиснут на виселице. В последний момент главнокомандующий ВВС Геринг окликнет Кейтеля:

— Я же всегда говорил, Кейтель, что война решится в воздухе.

Перевел Н. ЭНТЕЛИС.

Рисунок Херлуфа БИДСТРУПА. Дания, 1943 г.

Геббельс: — Все идет прекрасно, дорогой Кранкель, слушатели даже и не предполагают, что говорю я.

(Кранкель — продажный датский политик, сотрудничал с нацистами во время оккупации).

ПОРТРЕТ *Рисунок Мечислава БЕРМАНА, Польша, 1943 г.*

Пьер ДЮРАН (Франция)

И СМЕХ — ОРУЖИЕ

Ни для кого не секрет, что французы любят посмеяться, и шутки гуляют по стране от бельгийской границы до Средиземного моря. Но когда наступают тяжелые времена, юмор становится оружием, которое деморализует одних и сплачивает других. Так именно и было во время фашистской оккупации.

Надо сказать, что многие анекдоты так или иначе касались еды. В те годы для французов все было редкостью: мясо, жиры, картофель. Оккупанты же, напротив, жрали в свое удовольствие и, кроме того, посылали продукты к себе в Германию. Вот одна история, поведанная Эмилем Серван-Шрейбером в его книге «Расскажи еще!».

Чета пожилых парижан оплакивает кончину своей любимой собаки. Но куда девать останки бедного пса, не бросать же их в помойную яму?! Муж решает сложить их в чемодан и отвезти в свой маленький садик под Парижем. Приехав на вокзал, он ставит чемодан в сторонку и занимает очередь в кассу. Вокруг полно народу, особенно немецких солдат, едущих в отпуск домой. Наконец он берет билет, хватает чемодан и прыгает в отходящий поезд. Добравшись до своего сада, он открывает чемодан и видит там сахар, шоколад, ветчину, колбасу, две бутыли водки и документы немецкого унтер-офицера.

«Представляешь себе,— говорит он жене, вернувшись домой,— теперь родственники этого унтера смогут утверждать, что по части французских деликатесов они собаку съели».

Жюль Мош в своей книге «Встречи с...» рассказывает, как один владелец книжного магазина, обязанный, как и все коммерсанты, выставить на витрине официальные портреты старого маршала-предателя Петэна и его помощника Лаваля, поместил под одним табличку «продается по сниженным ценам», а под другим — «продано». Перед витриной собралась толпа смеющихся французов. На следующий день отважный торговец был брошен в тюрьму.

Другая история. Маленький мальчик подходит к проходящему по улице немецкому солдату и спрашивает:

— Что это у вас написано на пряжке?

— Готт мит унс,— отвечает солдат,— что значит «с нами бог».

— А, понятно,— говорит мальчик.— А с нами русские и американцы.

А теперь несколько слов о карикатуре.

В нелегальных газетах Сопротивления не было ни фотографий, ни рисунков. Газеты эти были очень маленького формата, печатались на плохой бумаге и чаще на гектографе. Распространение среди французов этих посланий борьбы и веры было связано с огромным риском. В концлагерях исчезали многие журналисты, печатники, распространители «Юманите» и других газет Сопротивления.

Карикатура сыграла тем не менее весьма значительную роль благодаря газетам, издаваемым за границей в значительно лучших условиях. Эти газеты сбрасывали над Францией на парашютах. Вот два сатирических рисунка тех времен.

Перевел С. ДЫМСКОЙ.

Из газеты «Куррье де л'Эр», 1943 г.

ТОТАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ *Рисунок Жана ЭФФЕЛЯ из газеты «Фрон насьональ», 1944 г.*

Из книги Дамяна БЫРНИКОВА (Болгария) «ОПТИМИЗМ СОПРОТИВЛЕНИЯ»

СПАСАЙСЯ, КТО МОЖЕТ

Геббельса спросили:

— Что вы будете делать, когда Германия капитулирует?

— Разденусь догола,— ответил он,— и заберусь к обезьянам в Берлинский зоосад, там уж русские меня не найдут.

— Думаете, обезьяны примут вас в свою компанию?

В ГЕСТАПО

Один немец, разговаривая с приятелями, сказал, что Адольф — буйно помешанный. Об этом стало известно гестапо, и его вызвали для объяснения.

— Почему вы оскорбили фюрера? — строго спросил гестаповец.

— Да это я говорил про своего соседа Адольфа Шнапса, а не про фюрера.

— Лжете! Мы-то уж знаем, к какому Адольфу относятся ваши слова!

ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫВОД

Предчувствуя свое поражение, Гитлер пришел к правильному заключению:

— Со штыком легко управлять миром, но вот сидеть на штыке больно.

ГИТЛЕР У ВРАЧА

— Майн фюрер, нервы у вас не в порядке.

— Нервы? — ответил Гитлер.— Это еще ничего. Когда я был молодой, врачи твердили, что я психопат.

— Но вы еще совсем не старый, майн фюрер!

САМОЕ ВАЖНОЕ

Гитлер: — Учтите, сейчас самое важное — это выиграть время.

Начальник штаба: — Да, но... Красная Армия совсем не дает нам времени выиграть время.

Перевела В. СЕДЫХ

Дело было в Югославии

После тяжелого боя санитары выносили с поля раненых партизан. Санитар-новичок, деревенский парень, спросил одного из партизан:

— Друже, а какая рана самая легкая?

— Самая легкая — это когда пуля между пальцами пролетит!

Итальянский офицер-оккупант решил поинтересоваться настроением жителей захваченной Словении и спросил одного горожанина:

— Ты хотел бы работать на англичан?

— Нет.

— А на Советскую Армию?

— Тоже нет.

— А на ваших партизан?

— Нет.

— А на солдат нашего великого дуче Муссолини?

— Век бы свой на вас работал! Не жалея ни сил, ни здоровья!

— Отлично! Молодец! А кто ты по профессии?

— Гробовщик!

В бою за город Горний Вакуф партизаны захватили в плен немецкого майора и поручили молоденькому бойцу отвести фашиста в штаб отряда. По дороге паренек заметил спрятавшегося в стогу итальянского офицера из разгромленной незадолго до того фашистской дивизии.

Партизан разоружил итальянца и, привязав его к одному концу жерди, а немецкого майора — к другому концу, доставил обоих в штаб.

— Кого привел? — спросил начальник штаба.

— Ось «Берлин — Рим»! — отрапортовал партизан.

В конце 1943 года на партизанскую верфь в Белой Луце был доставлен поврежденный вражеской авиацией пароход «Святой Иван». Для его ремонта срочно потребовалось большое количество олова. На верфи металла не оказалось.

Прослышав об этом, священник из соседнего храма святой Цецилии разобрал орган и принес на верфь трубы, отлитые из сплава, куда входило и олово. «Это святая Цецилия дарит святому Ивану»,— пошутил священник-патриот.

За ночь корабль отремонтировали. Перед отплытием капитан приказал дать три гудка в честь рабочих верфи. А потом еще три, сказав:

— А это наш Иван салютует святой Цецилии!

Тэдди, сброшенному на парашюте английскому связисту, находившемуся при штабе 5-го югославского корпуса, очень приглянулась медсестра Дара, красивая, высокая крестьянка. Тэдди попросил воевавшего в этом корпусе писателя Бранко Чопича научить его сказать по-сербски комплимент Даре.

— Ты для начала скажи ей: «Дара, мой ягненочек!» — учил Чопич.

— А что такое «иагньенотшек»? — поинтересовался Тэдди.

Чопич показал ему на гулявшего по лугу ягненка.

— А как называется вон то, что рядом, но побольше? — спросил Тэдди, учитывая, вероятно, комплекцию дородной Дары.

— Овца.

Англичанин поправил френч, подошел к санитарке и, сладко улыбаясь, произнес:

— Дара! Ты знаешь, кто есть? Ты есть овца!

— А ты есть ишак небритый! — отрезала обиженная Дара.

После кровавых, изнурительных боев за освобождение Черногории партизаны заняли город Ливно. Бойцы отряда улеглись спать в сливовых садах, а командирам отвели казармы, где до этого жили офицеры-оккупанты. Усталые бойцы быстро заснули, а вот командиры полночи вертелись, не сомкнув глаз, на мягких, чистых постелях. Наконец, старший командир Джунлич рассердился, постелил одеяло на полу и лег на него. Его примеру последовали остальные командиры, и через минуту комнату огласил их дружный коллективный храп...

Перевел Г. МАРКОВИЧ

Станислав РОДИОНОВ

Рассказ

КРОКОДИЛЫЧ

Вообще-то его звали Кирилл Нилыч. Но дети любят сокращать.

Небольшую подсушенную фигурку не укрупнял даже толстый свитер — может быть, потому, что обвис и сбивался сзади в курдюк. Кирилл Нилыч преподавал физкультуру лет сорок. Ходили слухи, что ему под семьдесят. Ребятам физкультура нравилась — можно было подурачиться.

Крокодилыч стал посреди спортплощадки, стянул свой утильный свитер и оказался в одной майке, сквозь которую заметно проступали ребра. Шея и грудь от сентябрьского ветра моментально посинели, и он сделался похожим на тех голубых цыплят, которые лежат под стеклом в магазине.

— Встали по-собачьи,— приказал Крокодилыч,— и побежали три круга.

Ребята опустились на четвереньки и, отчаянно тявкая, заперебирали ладонями по грязной земле. Но двое не побежали.

— В чем дело? — сурово спросил учитель.

— У нас освобождение, справки от врача.

— Ни один умный врач не освободит от физкультуры. Марш на четвереньки!

Не пробежав и круга, девочка с тремя маленькими бантиками и одним большим, поднялась на ноги и подошла к учителю:

— Кирилл Нилыч, я, кажется, укололась...

Он глянул на ладонь, дунул и громко спросил:

— А кто у тебя папа?

Ребята остановились. Двоечник Шухов даже зашевелил ушами, предвкушая речь.

— Разве у тебя папа английский султан? Или какой паша-оглы? Я знаю, он трудящийся человек, доктор наук. Почему же ты боишься наколоть ручки?

Девочка смущенно опустилась на четвереньки и брезгливо положила ладони в пыль.

— Побежали-побежали! — заторопил Крокодилыч.

После третьего круга ребята поднялись такими чумазыми, словно пахали землю носами.

— Теперь сняли верхнюю одежду. Сейчас мы проверим, зависит ли скорость бега от длины ног. Встаньте парами: длинноногий с коротконогим. Шухов, а ты побежишь со мной.

Ребята начали меряться ногами.

Директор школы задумчиво щипал подбородок и смотрел в ясные, часто мигающие глазки Крокодилыча.

— Кирилл Нилыч, в седьмом «А» на вашем уроке простудилось пять человек.

Учитель физкультуры довольно улыбнулся.

— Чему вы улыбаетесь, товарищ Пудяков? — официально поинтересовался директор.

Крокодилыч запустил руку в карман пиджака, сшитого не позднее тысяча девятьсот тридцатого года, достал бумажный рулончик и расстелил на столе.

— Что это? — удивился директор.

На длинной ленте были изображены носы, соединенные ломаной чертой.

— График сморкаемости девятого «Б».

Директор неуверенно достал платок и высморкался.

— В пятом классе на физкультуре простужалась половина,— объяснял Крокодилыч,— в шестом — 12 человек, в седьмом — 9, в восьмом — 5, в девятом — 2. В десятом совсем не будут.

И он ткнул в самый крупный нос.

— Ребята выросли,— пожал плечами директор.

— Нет, они закалились.

— Но родители жалуются.

— Все родители хотят вырастить из своих детей английских султанов,— разъяснил учитель физкультуры.

— С родителями мы должны считаться,— начал злиться директор.— И в Англии нет султанов.

— Султаны есть везде,— убежденно заверил Крокодилыч.

Возвращался из школы он поздно, потому что вел три секции, которые сам и организовал: легкой атлетики, волейбольную и самбо. Последняя секция приносила много хлопот: на прошлой неделе боролся с десятиклассником, и тот растянул ему ногу.

Крокодилыч проехал в автобусе двенадцать остановок и подошел к двери, дожидаясь тринадцатой. Здоровый парень с длинными немытыми волосами оттер его плечом и поставил на освободившееся место свою мясистую подругу.

— Чего же вы, молодой человек...—начал было Крокодилыч.

Но парень повернулся к нему и пропел довольно-таки сильным алкогольным голосом:

— Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет.

И уже без мелодии разъяснил:

— Ясно, папаша? Почет тебе есть, а дороги тебе нету.

Автобус притих. Потом всем показалось, что старик вроде бы этого парня перекрестил. И парень рухнул вниз, на ступеньки, где светилась маленькая лампочка. Он лежал, задрав ноги в утюгастых ботинках, и ошалело хлопал глазами. Так и вывалился на панель, стоило водителю распахнуть двери.

— Не будешь издеваться над песней,— проворчал Крокодилыч.

— Старый, а хулиганите,— опомнилась упитанная девица.

— А вам нужно обязательно заниматься гимнастикой,— заметил учитель физкультуры и пошел домой.

В спортивный зал Крокодилыч приходил всегда рано.

Он постоял на голове, покачался на брусьях, попрыгал через коня и забрался по канату к потолку. Тут и вошел гражданин с портфелем, хрустящим плащом на руке и заметным животом.

— Вам кого? — спросил Крокодилыч с потолка.

Граждании вздрогнул и поднял голову:

— Учителя физкультуры.

Учитель физкультуры по-обезьяньи съехал вниз и, отдуваясь, подошел к солидному гостю.

— Я — Семыкин,— представился тот.— Вы моей дочке поставили в четверти двойку.

— Ага,— согласился Крокодилыч.

— Она же круглая отличница,— весело сказал Семыкин, как бы давая понять, что шутку с двойкой он оценил и дальше шутить нет смысла.

— Она не круглая отличница,— не согласился учитель.

— Как не круглая?! — опешил гость.

— У нее двойка по физкультуре.

— Вот я и говорю,— терпеливо сказал Семыкин,— она круглая отличница, а вы ей испортили...

— Да не круглая она, у нее двойка по физкультуре.

Семыкин замолк, рассматривая плюгавенького старичка с юношеской фигурой и военной выправкой. Казалось, сейчас гость шевельнет животом и учитель физкультуры полетит на мат.

— Или вы меня не понимаете,— медленно начал Семыкин,— или...

— Я — второе,— перебил Крокодилыч.— До свидания.

После ухода гостя физкультурник как ни в чем не бывало начал делать уморительные фигуры, выгибаясь колесом и просовывая голову между ног. Он покраснел, как волейбольные мячи, которые лежали в углу. Когда вошла учительница пения, Крокодилыч совсем завязался узлом и походил на громадного тритона.

— Ой! — вскрикнула она.— Кирилл Нилыч, директор просил передать, что девятый класс на ваш урок не придет. Они поехали на математическую олимпиаду.

От возмущения Крокодилыч развязался.

— Ничего удивительного,— философствовала учительница.— Вы же знаете, что наша школа с математическим уклоном. А мои соль-миноры и ваши опорные прыжки разве предметы?

Физкультурник только пыхтел. Она подошла к нему, положила на плечо белую весомую руку и капризно попросила:

— Крокодилыч, научите похудеть.

— Не хочу.

— Почему? — удивилась она.

— А вы спортом не занимаетесь.

Он пошел в учительскую, взял журнал и поставил девятому классу тридцать один прогул.

Директор школы опять щипал подбородок. Перед ним лежало письмо от администрации парка культуры и отдыха.

«На нашей территории произрастает большое количество траво- и древостойных растений. У нас имеется единственный в городе экземпляр лавра благородного, семейство Lawrusha (лавровый лист). В аллеях цветут розы и доцветают лавсонии. По дорожкам ходят голуби. Естественно, что на скамейках отдыхают от трудового дня влюбленные.

Но вот появляется учитель вашей школы Пудяков К. Н., который начинает приставать к влюбленным. Уговаривает их пробежать стометровку, чем, мол, сидеть зря обнявшись. Сравнивает конечности разных пар для демонстрации мускулатуры... Предлагает бороться. Запевает спортивные песни. Затем раздевается до трусов и бегает вокруг клумбы, демонстрируя своим посиневшим худым телом антиэстетическую категорию. Притом сильно пыхтит. Но самое возмутительное, что проделывает все это в трезвом состоянии.

Просим к Пудякову К. Н. принять меры».

— Пыхтите зачем? — глянул директор на учителя.

— Дыхание,— объяснил тот.

Директор отпустил подбородок и сел поудобнее — беседа предстояла долгая.

— Кирилл Нилыч, вы пожилой человек...

— У вас в доме есть лифт? — перебил физкультурник.

— Есть. А что?

— Подиимаетесь?

— Поднимаюсь,— удивленно подтвердил директор.

— А я на десятый этаж вбегаю по лестнице, хотя лифт тоже есть. Значит, вы пожилой, а я нет.

Директор, которому исполнилось сорок, забыл, о чем дальше и говорить. Он работал в этой школе три года, всех узнал и ко всем привык. Кроме этого Пудякова.

— Крокодил... э-э... Кирилл Нилыч,— сдерживаясь, продолжал директор.— Неужели вы считаете, что можно сделать человека сильным, если он слаб от природы?

— А можно человека выучить математике, если тот слабоват мозгами от природы?

— Можно,— убежденно ответил директор.

— Правильно,— подтвердил Пудяков.— А из слабого человека, даже из Семыкиной, можно сделать сильного, здорового, высокого и красивого.

Он внимательно оглядел директора и добавил:

— Даже из вас.

Директор застегнул пиджак, чтобы скрыть емкую фигуру, и начал тяжело вспоминать, что же он хотел сказать дальше.

— Кирилл Нилыч, да неужели вы не слышали, что сейчас главными стали математика, физика, химия?..

— Слышал,— спокойно подтвердил физкультурник.— Это неправильно.

Директор даже не возразил, только смотрел в сухое личико учителя и светло мигающие глазки.

— Неправильно,—подтвердил Пудяков.— Главный предмет — это физкультура и спорт. А потом уже ваши физики и математики. Кому нужны слабые? Производству? Армии? Жене-мужу? Допустим, у вас почечуй...

Директор заерзал, словно этот почечуй уже впился туда, куда надо.

— Пойдет вам математика в голову? — продолжал учитель.— Здоровье — это базис. А ваши математики — это надстройка. Дом без фундамента не построишь, а без спорта не вырастишь человека.

— В конце концов у нас школа с математическим уклоном! — все-таки сорвался директор.

— Да хоть с психическим, а без спорта нельзя.

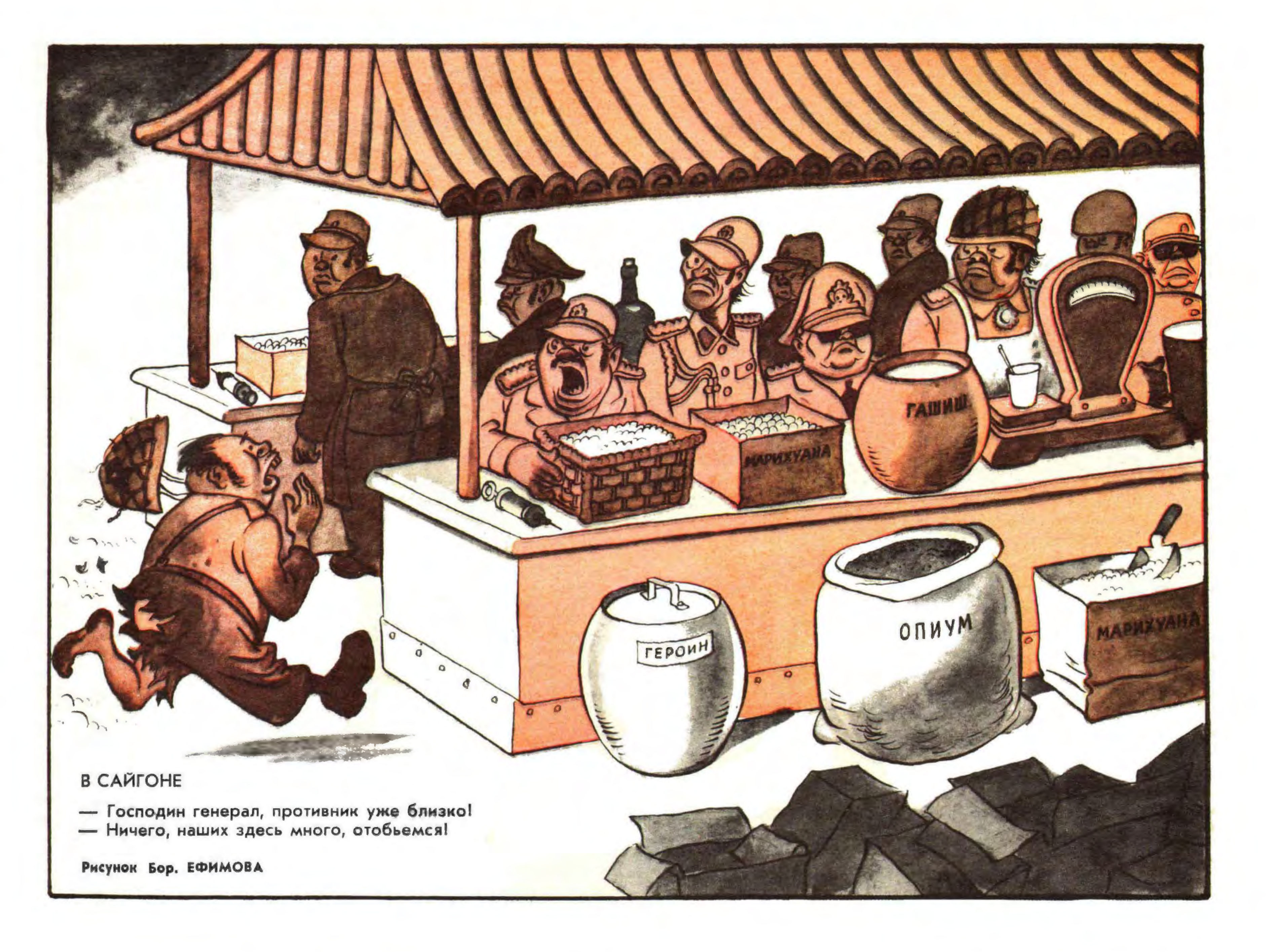
— Мы воспитали двух докторов математических наук! — крикнул директор и осекся. Он понял, чем сейчас ответит физкультурник.

Кирилл Нилович гордо вскинул дубленое лицо и отчеканил:

— А мы воспитали тридцать восемь мастеров спорта, и в этом году их будет сорок!

— У-у, Крокодилыч,— буркнул директор и вцепился в свой подбородок.

г. Ленинград.

В САЙГОНЕ

— Господин генерал, противник уже близко!
— Ничего, наших здесь много, отобьемся!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Мих. РАСКАТОВ

Экран смерти

Не надо настраиваться на веселый лад. Не надо. А если почему-либо на вашем лице блуждает улыбка, погасите ее, будьте любезны. Временно. Благодарю вас...

Лучше объединим наши усилия и беспощадно пронзим толщу грядущих времен коллективным мысленным взором, чтобы увидеть будущее американского телевидения.

Огромные голубые экраны. Они занимают стены и потолок каждой комнаты. Они светятся, переливаются, говорят, кричат и воют двадцать четыре часа в сутки всеми своими двенадцатью... нет, двадцатью четырьмя... нет, семьюдесятью двумя каналами. Они стреляют, визжат, стонут и скрежещут зубами. Они душат, терзают и сжигают заживо. Они изображают! Они функционируют!

А в кресле (на стуле, тахте, кровати), съежившись, имеет место человек, словно какая-нибудь маленькая теплокровная рыбка гуппи на дне аквариума, в стены которого глядят бешено пляшущие зрачки чудовищ...

— Уважаемые джентльмены! — взывает одна стена.— Смотрите на супермена мистера Стена Билла! Обаятельный мистер Билл прогуливается по вечерней набережной, ритмично сокращая стальные икроножные мышцы. Он ждет ее, свою единственную и неповторимую любовь... А вот и она, прелестная мисс Джейн. Она протягивает любимому тонкие и нежные руки, мистер Билл профессионально заключает ее в могучие объятия и одновременно нажимает своим правым верхним коренным зубом на аналогичный правый нижний, соединяя тем самым замаскированные в зубах электроды и вводя в действие батареи в своих карманах. Мощный поток электронов напряжением в пять тысяч вольт пронзает тело юной Джейн. Вы видите, как она извивается в восхитительно-страшных судорогах и как, не издав ни звука, падает в глубокую темную воду... Так покупайте же костюмы фирмы «ТОК В БОК» с потайными карманами для высоковольтных батарей, и вы испытаете неповторимое наслаждение от свиданий с любимой!

— На меня! Смотрите на меня! — надрывается вторая стена. Вспомните «Прощальную симфонию» Гайдна, когда в финале оркестранты по одному покидают сцену... Сейчас вы увидите новую «Прощальную симфонию»! Наш оркестр на месте, дирижер мистер Ку Рок встает за пульт и взмахивает своей палочкой, представляющей собой не что иное, как тонкое дуло бесшумного пистолета фирмы «Пуля в лоб и Компания». Звучит первый аккорд, и на пол сваливается вторая скрипка. Маэстро Ку Рок дирижирует без промаха. Не глядя в партитуру, он точными выстрелами укладывает музыкантов по одному и дуэтами. Замолкают виолончели, трубы, первые скрипки и прочие фаготы... И вот уже весь оркестр как одно целое живописным ансамблем лежит на сцене.

— Вам, дети! — ревет третья стена. — Маленькое взрывное устройство, способное разнести любой сейф, надежное и простое в обращении, не требующее школьного образования и доступное лицам обоего пола с пятилетнего возраста, а также портативная домашняя виселица под названием «Прощание с бабушкой»!..

— Вам, желающие развлечься! — гремит потолок.— Сорок восемь новых способов элегантного насилия с помощью легких ручных огнеметов и карманных напалмовых бомбочек, эффектно сжигающих дома до трех этажей включительно!.. Запоминайте!.. Заучивайте!.. Конспектируйте!.. Жизнь прекрасна, леди и джентльмены, а потому отнимайте ее у ваших близких и дальних родственников, друзей, знакомых и незнакомых, пока они не успели отнять ее у вас!..

Ну вот, так я и предполагал — читательские очи недоверчиво сузились. Читатель явно хочет узнать, на каких таких фактах сегодняшнего дня базировался автор, предрекая американскому «ти-ви» столь мрачное будущее. Клятвенно свидетельствую: по рс ти натуры автор ни за что бы не осмелился вдруг ни с того ни с сего, без всякого повода пуститься в полет на крыльях фантазии.

Но... «Телевизионные программы... испускают все более сильное зловоние... Слишком многие программы носят на себе отпечаток варварской жестокости и циничности, действуют отупляюще и угнетающе» (газета «Бостон геральд-американ»)...

Но... «Половина людей, которых показывают по телевидению, совершают насилия, одна пятая совершает какие-то преступления, шесть процентов убивают кого-то, а три процента становятся жертвами убийств» (доктор Джордж Гербнер)...

Но... «11-летний грабитель и его 7-летний соучастник рассказали в полиции, что они постигли технику кражи со взломом благодаря телевидению»... «К тому времени, как подросток закончит среднюю школу, он потратит больше времени на телевизор (15 000 часов), чем на посещение школы (12 000 часов)» (журнал «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт»)...

А потому, согласитесь, совершенно не исключено, что наш взгляд в будущее не столь уж и фантастичен.

— Гоним?
— Что вы! Обратно в сахар перегоняю...

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ, специальные корреспонденты Крокодила

Точка на карте

Можете вы себе представить, чтобы у какого-нибудь нашего достойного трудящегося, передовика, застрельщика и новатора, дома творилось черт знает что? Чтоб квартира паутиной заросла, чтоб краны ржавчина съела, чтоб в разбитые окна ветер свистел, чтоб окурки на ковре плевком гасили, чтоб масло по хлебу пальцем размазывали, чтоб на балконе хряка откармливали, чтоб крышкой рояля орехи кололи, чтоб личная жена передовика дочурку скалкой учила, чтоб сын-пятиклассник, придя с уроков, «полдяди» распивал?

Нет, с негодованием пресечете вы нас, это совершенно невозможно. Человек, у которого на производстве полнейший порядок, не будет мириться с хаосом в своем доме, не махнет равнодушно рукой на безобразный быт! Но, представьте себе, когда понятие «дом» расширяется до масштабов города, то ваше негодующее «нет!» не всегда оказывается бесспорным...

...Самолетик «АН-2», коряво покурьи разбежавшись, взмыл в небесное пространство и через полчаса уже кружил над районным центром, задумываясь о посадке.

— Вот оно, наше поселение! — сказал старик гагауз, сощурившись в сторону земли.— Раньше сюда сутками ехали. Теперь — воздушный мост. Любой, вплоть до японца, прилететь может. Только на кой японцу сюда? Чего он тут не видел?

Меж тем под крылом проплывал роскошный парк с цветными павильончиками для всякой торговли, внушительная концертная эстрада средь амфитеатра лавок, живописные речушки, сахарное здание Дворца культуры, стадион с какими надо секторами и зеркалом плавательного бассейна, качели с каруселями в детском оазисе, городской рынок, лишенный толчеи и беспорядочности...

И, глядя на все это, думалось: нет, не прав старик гагауз, от плохой работы печени злобствует. Но не только внешность городка с вышины низкого полета сулила повстречать тут цветущий быт и достойную культуру. Нам было доподлинно известно, что проживают в здешней местности не какие-нибудь бездельники, не лаццарони, ожидающие, пока волна выбросит из моря что-либо на пропитание. Тут живут труженики. Не случайно руководители района около года назад получили правительственные награды за успехи в соцсоревновании и трудовую доблесть

Награждены были и многие члены их трудовой семьи — целая армия рабочих, служащих и колхозников района. И, естественно, ожидалось, что у таких руководителей не только в работе, но и в быту должен быть полный порядок. Уж они-то, казалось, не допустят, чтоб в их городе—в их «доме» орехи рояльной крышкой кололи, чтоб масло — пальцем, чтоб дочурку — скалкой.

Однако держись кучнее, читатель! Мы вместе обойдем весь «дом». Мы опасливо поскачем с кочки на кочку, боясь оступиться в поток нечистот, плывущий навстречу по улице.

— Обычное дело! — снисходительно пояснит нам словоохотливый горожанин.— Канализация у нас то и дело засоряется мусором, дохлыми кошками и прочей мерзостью...

Мы побредем по паркам «30 лет Молдавии» и «40 лет ВЛКСМ», дивясь поломанным мостам и разрушенным туалетным домикам, ужасаясь затоптанным клумбам и ободранным деревьям.

— У нас, кажется, никому дела нет до того, что нанесенный ущерб 7 тысяч 650 рублей! — привычно вздохнет словоохотливый горожанин.— Возможно, надеются возместить часть суммы за счет районного отдела культуры. Ведь он не использовал 3 тысячи 900 рублей на покупку книг...

Мы в испуге обогнем единственный местный кинотеатр «Родина», где трещат кресла, крушимые нетрезвым зрителем, где в экран летят подлокотники и опорожненные бутылки.

Ну, что скажете? Вот вам и полный порядок в семье! Вот вам и заботливые родители! Глотнуть бы воды, успокоиться... Но это на Кавказе с водой хорошо. Ткнул палкой в гору — «нарзан» брызнул, ткнул в другую — «боржоми» зафонтанировал или другая джигит-вода со всеми причитающимися ей аннонами, катионами и целебными солями, осадок которых в бутылке вполне допустим.

Но вы верно уже приметили, что интересующий нас городок расположен не на Кавказе, а на юге Молдавии. И тут куда ни ткнешь, какой кран ни открутишь — отовсюду течет зловоинная жидкость. Ни попить, ни умыться, ни мамалыгу сварить. Говорят, таковой сделал тут воду избыток фтора и сероводорода. Ни один самый закаленный кишечник не может принять ее без бунта. Да что кишечник! Вследствие злой ядовитости воды восемьдесят процентов водопроводных труб разъедено и находится в аварийном состоянии.

А что же упомянутые живописные речки? Они разве не поят город? Нет. Не поит город речка Лунга, не орошает его речка Сервень, не омывает речка Стратан. Их берега издавна превращены в нескончаемую помойку.

Нет, не наблюдается порядка в житье-бытье местных тружеников.

Заботливо отутюжена центральная площадь, хоть сейчас стройся в колонны и ступай по ней церемониальным маршем! А рядом неухоженными сиротами стоят утлые помещеньица Дома пионеров и художественной школы. Добротный ресторан «Буджак» успешно выдерживает самую лихую ежевечернюю гульбу. А местная поликлиника бьется за здоровье горожан в похилившихся стенах бывшей конюшни. А по соседству прозябают парки, забытые богом и людьми, но не овцами и гусями, привольно пасущимися там. Ржавчина грызет давно недвижимые качели и карусели. Киоски заколочены наглухо. Неблагородными сединами плесени обрастает концертная эстрада. И уж давно позабыто, когда на ней пели и плясали.

Но, может, во Дворце культуры, сахарно сверкавшем нам в самолетное окошко, находит горожанин душевное отдохновение? Не зря же этот очаг культуры возводился семь лет! Опять— увы! Работа маляров, которую мы наблюдали во Дворце, не была финишным спуртом отделочников. Просто металлические конструкции подвергались антикоррозийной презервации в целях консервации стройки на неопределенное время.

Тогда на стадион, догадываемся мы! В атмосферу плещущих на ветру флагов, рокота трибун, бронзовых мускулов и здоровья! Но, как водится в спорте, на местном стадионе побеждает сильнейший. Это кавардак. На обширной территории, смахивающей на городскую свалку, можно заниматься только бегом с почти непреодолимыми препятствиями. Однако желающих нет, стадион пуст и тих, словно кладбище в понедельник.

— На новый стадион у нас уже готова вся документация! — оптимистично сообщили нам.— Но вот лимита нет. Наверное, в следующей пятилетке начнем строить.

— А до того? — по-хоккейному воскликнули мы.— Ведь в вашем бассейне даже республиканские соревнования проводились!

— Ну, это когда было!.. А сейчас он антисанитарен. Лягушки, головастики. Болото, словом. Бульдозером его надо! С землей сровнять!..

В скорбном молчании мы замираем посреди парка «40 лет ВЛКСМ», возле бетонных руин, напоминающих останки знаменитой оборонительной системы «линия Мажино».

— Это памятник Комсомольской славы! — поясняет словоохотливый горожанин.—В шестьдесят седьмом я в школе в Гайдарах работал. Нам тогда предложили собрать деньги на этот памятник. Собрали, другие школы тоже. Всего тысяч шестнадцать набралось. Сделали постамент, заложили в него письмо к потомкам. На этом все и закончилось. До письма потомкам не добраться, видите — во что постамент превратился! А куда деньги подевались, никто сказать не может.

И невольно вспомнилось, что в платоновском «Городе Градове» на вопрос, куда ушло пять миллионов рублей, отвечали так:

— Может, пройдет десять годов, а у нас рожь начнет расти с оглоблю, а картошка в колесо. Вот тогда и видно будет, куда ушло пять миллионов рублей! Все-таки деньги истрачены не в чужом месте и как-нибудь скажутся...

О чем еще тут говорить? Хотя можно было бы еще о многом. И о философском созерцании районным начальством постыдной спекуляции на невеселом городском рынке. Можно было бы поведать горькую историю художественной школы, где в двух сумеречных комнатенках ютится сотня талантливых детей, чьи работы не раз украшали международные выставки. Той школы, забота о которой здесь пока что свелась к посещению ее однажды грозной комиссией, задававшей анекдотические вопросы: «Вы эту голую Венеру детям показываете? А если они завтра живую посмотреть захотят?» Можно было бы упомянуть о ничтожном десятке фонарей, отнюдь не заливающих рекой света ночной город, или о краеведческом музее, давно закрытом ввиду аварийности и имеющем весьма туманное будущее.

Но авторы не так наивны, чтобы думать: вот, мол, распахнутся двери подновленного музея и на городок снизойдет благодать! Нет, благодати не будет, пока руководители района как-то подзабывают, что культура и благоустройство города — это тоже важнейший показатель сегодняшней жизни. Какими бы фанфарами мы ни приветствовали рапорты о трудовых победах, это не должно заслонять от руководителей бытовых и культурных нужд своих сограждан.

...Улетали мы обратно не тихоходным «АН-2», а стремительным реактивным аппаратом «ЯК-40», который, коротко разъярившись на старте, махнул в поднебесье, проколол облака и тут же приземлился на кишиневском аэродроме, не дав дососать дармовую взлетную карамельку, не дав взглянуть на покинутый городок сверху новыми глазами.

По житейской логике с этого момента для нас, приезжих людей, упомянутый городок должен был бы остаться просто точкой на карте, возле которой написано название: Чадыр-Лунга. Написано некрупно, да и точка невелика даже в масштабах Молдавии. Но, колеся по другим большим и малым точкам республики, мы имели повод убедиться, что чадыр-лунгское бытие — явление не по-хорошему исключительное. Тем обиднее это всем, для кого Чадыр-Лунга не просто точка на карте.

г. Чадыр-Лунга

Михаил ВОЛОВИК

О дикарях

Дикарь с подружкою
в набедренных повязках,
Набрав валежника подсохшего
по связке,
Среди дремучей девственной дубравы
Зажгли огонь и греются на славу,
И пляшут у костра, разбрасывая жар...
И, вспыхнув, запылал
безудержный пожар.

Двадцатый век. Господствует нейлон.
Бренча гитарою, вошел в дубраву Он.
Она с транзистором.
Сияют синью глазки,
И юбка не длинней
набедренной повязки.
И разожгли они
костер среди дубравы...

Иные времена, но те же нравы!

г. Уфа

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Сегодня врач прочитает лекцию на тему: «Профилактика склероза у людей преклонного возраста».

Начало в 19 часов. После лекции кинофильм «Жизнь обреченных».

(Из объявления).
Прислал В. Михайличенко, Мурманская область.

«Правление колхоза им. Кирова предоставляет бригаде все необходимые материалы для выполнения работ за свой счет.

Правление колхоза выдает бригаде продукты питания и кухарку по ценам колхоза».

(Из трудового соглашения).
Прислал В. Мотов, Херсонская область.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МИЛИЦИОНЕРА

«Товарищ милиционер, а что здесь случилось? Я свидетелем буду»

«Да, я нарушила правила движения, но не на рубль, а копеек на пятьдесят».

«Не успел он здесь поселиться, как приобрел машину, жену и сына».

«Товарищ сержант, поймайте двух свидетелей. Аварию будем оформлять протоколом».

Прислал В. Клименко, г. Сочи

«Тов. Александрович!

Сообщаем Вам, что комплект артистов комплектуется и высылается на 4 руб. (в зависимости от ассортимента)».

(Из ответа магазина № 120 «Москниги»)
Прислал А. Петров, г. Усмань

«Принят на должность водолаза без права спуска под воду».

(Запись в трудовой книжке)
Прислал В. Гуменный, г. Изяслав

«НЕ КОРЫСТИ РАДИ»

Для хозяйственных нужд Управление производственно - технологической комплентации треста «Свердловсксовхозстрой» силами шабашников воздвигло в областном центре новое здание материально-технической базы. А когда наступил час расплачиваться с шабашниками, трест включил построенный объект в план работ ПМК-841, расположенной в поселке Белоярском (см. фельетон Н. Самохвалова в «Крокодиле» № 2).

Из треста «Свердловсксовхозстрой» сообщили, что приведенные в фельетоне факты имели место и рассмотрены Свердловским областным комитетом народного контроля. На начальника ПМК-841 Ф. И. Головацкого наложен начет в размере полуторамесячного оклада, прораб ПМК-841 В. А. Кузнецов уволен, зам. главного бухгалтера ПМК-841 Е. С. Федорахиной объявлен строгий выговор.

Как видим, руководители ПМК-841 допустили финансовые нарушения и за это совершенно справедливо наказаны. А какая судьба постигла тех, чьим распоряжением здание базы было включено в план работ ПМК? Мы имеем в виду самих руководителей «Свердловсксовхозстроя».

Об этом в ответе почему-то ничего не сказано.

«АВТОМОБИЛЬ И СПРАВКА»

Для того чтобы пройти техосмотр, автоинспекция города Котельнич требует от владельцев автомашин различные справки. В частности, о наличии гаража. Об этом рассказывалось в заметке «Автомобиль и справка» («Крокодил» № 2).

Как сообщает заместитель начальника УВД Кировского облисполкома тов. В. Криницын, начальнику отделения ГАИ города Котельнич майору милиции тов. С. Елсунову указано на необоснованное требование справок от автовладельцев. Проведена разъяснительная работа о недопустимости подобной практики в других районах области.

«СЛОВО О РЕКЛАМЕ»

Под таким заголовком была помещена заметка в четвертом номере «Крокодила». В ней шла речь о безвкусной стихотворной рекламе, которая была вывешена в ленинградском кафе «Дорожное».

Заместитель директора треста железнодорожных ресторанов и буфетов Управления общественного питания Ленгорисполкома тов. В. Васильева сообщила редакции, что заметка обсуждена на совещании руководителей предприятий треста. Принято решение с большей требовательностью относиться к внешнему оформлению столовых и кафе.

«ОКНО»

Если кому-либо из строителей во время обеденного перерыва захотелось опохмелиться или просто выпить, в этом ему помогали работники магазина № 96 Первомайского райпищеторга (заметка «Окно», «Крокодил» № 4).

На выступление откликнулись начальник 51-го отделения милиции г. Москвы тов. Ефремов и директор Первомайского райпищеторга тов. Немтинов. Они сообщили, что усилен контроль за соблюдением правил продажи спиртных напитков магазином № 96 — строжайше запрещено отпускать вино лицам в спецодежде и в нетрезвом состоянии.

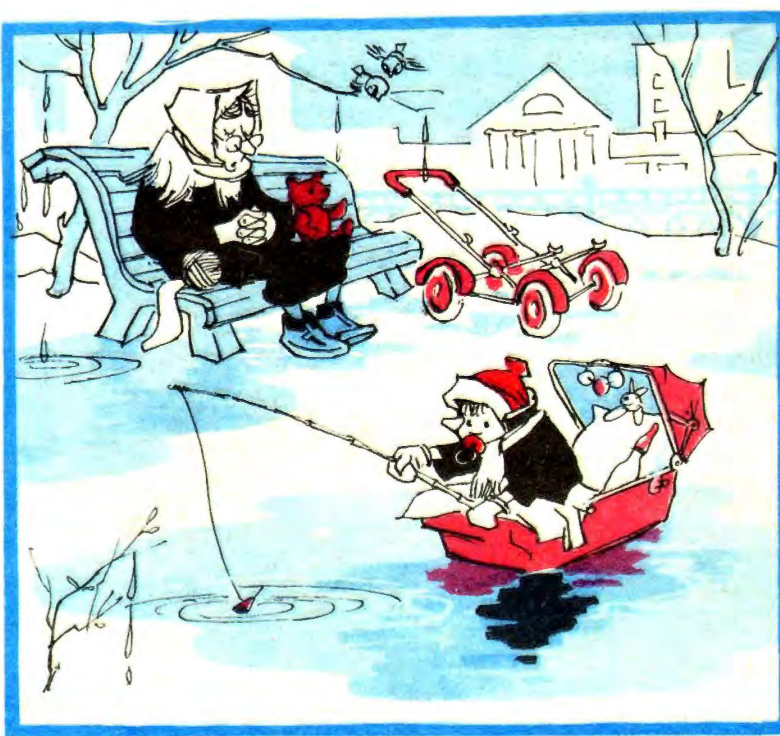
И. С. АСТАПОВ,
главный редактор ленинградского «БОЕВОГО КАРАНДАША»

(К 70-летию со дня рождения)

Дружеский шарж Д. ОБОЗНЕНКО

— Весь в папу...

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Ясен АНТОВ (Болгария)

Рекорд

— Не могу,— прохрипел спортсмен.

Он бросил штангу на пол и присел на скамейку. Ноги у него дрожали, на лбу выступили капли пота.

Фотограф шумно вздохнул и тоже сел на скамейку. Ничего не получается! Нет гордой, победоносной улыбки на лице счастливого богатыря. А в редакции, хоть ты тресни, запланирована цветная обложка со штангистом!

— Ну что с тобой делать, просто ума не приложу! — сказал фотограф.— Неужели так трудно поднять эту железяку и душевно, тепло улыбнуться миллионам читателей?

— Ты тоже пойми,— сказал штангист, еще не отдышавшись,— по правилам я должен держать ее только три секунды, и мне засчитывают вес. А ты меня целый час мучаешь. Оставь меня, пожалуйста, не могу я больше.

— Как так оставь? — вскипел фотограф.— А в газетах еще писали, что ты герой, совершил спортивный подвиг!

— Ну, там было другое дело, я с поврежденной рукой выжал штангу и побил рекорд американца Клитирфильда.

— Значит, с поврежденной рукой ты можешь побить американца, а со здоровой не можешь улыбнуться для цветной обложки родного журнала?

Тяжелоатлет поднялся, вздохнул и подошел к штанге. Из груди его вырвалось напряженное «Х-х!», и штанга взлетела над головой.

— Ну вот! — сказал фотограф не без иронии.— Оказывается, мы можем поднять штангу и со здоровой рукой. И без американца. Надо только нас хорошенько попросить и наговорить комплиментов. Все вы такие, звезды! Капризули...

— Снимай, дьявол! — прохрипел штангист.— Снимай, или я ее уроню...

— Стоп! Бросай железо! Можешь сесть, и слушай внимательно, потому что у меня язык уже устал повторять одно и то же. Кадр должен быть с настроением, понимаешь? Ты должен излучать радость, удаль, веселье. Ясно?

Штангист вышел из душа через четверть часа несколько посвежевшим.

— Вот и чудненько! — воодушевился фотограф.— Улыбайся, как победитель! Чтоб в глазах счастье, а не ужас... Ну, поехали...

Штанга снова взлетала над головой. Мускулы на ногах, на спине, на руках превратились в слитки чугуна. Глаза штангиста налились, на висках пульсировали вены, рот был перекошен.

— На кого ты похож! — закричал фотограф.— Чего ты надулся, как жаба? Ты герой или умирающий? На тебя смотреть противно, а не то, что снимать для цветной обложки. Ты побеждаешь или собираешься испустить дух? Шире улыбку! Больше огня во взоре! Чего ты вылупился, как идиот? Улыбайся!

— Не могу больше! — прохрипел гигант и осел на пол. Штанга с грохотом откатилась в сторону. Грудь у штангиста раздувалась, как кузнечные меха.

— Ах, слюнтяй! — вскипел фотограф.— Дрогнул в последний момент...

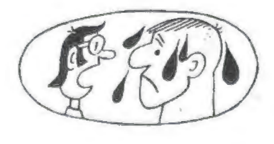
— Ты...— прошептал штангист, когда ему удалось наконец совладать с побелевшими губами.— Ты сам-то когда-нибудь дотрагивался до штанги?..

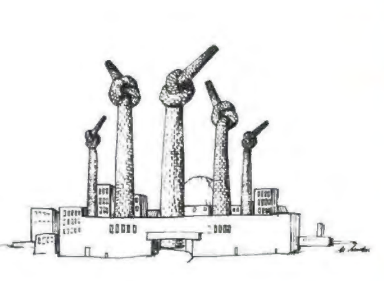
— А как же! Только что, пока ты принимал душ. Я увидел, что железные блины на ней не шибко внушительные для обложки и велел привинтить круги побольше...

Тяжелоатлет на четвереньках подполз к штанге и воззрился на стальные круги.

— О, господи! — простонал он.— Здесь же на пятьдесят килограммов больше!.. Если бы я только знал... Это же мировой рекорд..

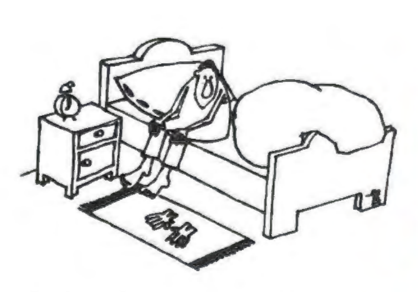
Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

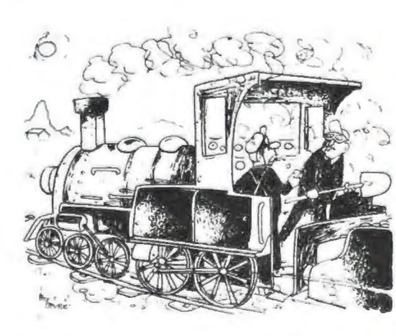

«Пардон», ФРГ.

— Не волнуйтесь, я из статистического управления и хочу знать, какой ваш средний заработок?

«Вие нуове», Италия.

«Нойе берлинер иллюстрирте», ГДР.

— Возьми сигаретку, Эмиль.
— Нет, спасибо, я не выношу дыма.

«Пуркуа па?», Бельгия.

Слова, слова...

Готов сам заплатить тридцать сребреников, лишь бы продать кого-нибудь.

Из характеристики.

Восклицательный знак всегда оплачивается лучше вопросительного.

А. Давид, французский писатель.

Делай что хочешь, но так, чтобы не лишиться этой возможности в будущем.

Из австрийского сборника тюремных афоризмов.

Если все время сжигать ведьм, в конце концов они действительно появятся.

Юмор испанской инквизиции.

«Панч», Англия.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Грегори КЛАРК (Канада)

Агнес

— Это ты, Агнес?

Примерно раз в неделю хриплый и властный женский голос задает мне этот вопрос по телефону.

— Нет, мадам,— отвечаю я резко,— это не Агнес. Вы набрали неверный номер.

— Тупица! — слышу я ее бормотание.

В последний раз, когда она звонила, я нежно спросил, какой ей нужен номер (мой номер 3-43-78).

— Мне нужен,— безапелляционно заявила эта старая алебарда,— 4-37-83.

Мне кажется, что я уже могу ее описать: седая, старая карга, шестидесяти или даже семидесяти лет. Если женщине судьбой предначертано быть «алебардой», то обнаруживаться это начинает к сорока. К тому времени, когда ей стукнет пятьдесят пять, судьба заостряет, а жизнь окончательно доводит до кондиции все ее режущие части.

Я убежден, что это ее точный портрет. Волосы в кудряшках разного калибра. Она растрепанная, болтливая, презирающая всех и даже самое себя.

Вот она тяжело усаживается подле телефона. Уставившись на аппарат безразличным взглядом, она втыкает старческий палец в отверстие диска, думая, что набирает нужные ей 4-37-83.

— Это ты, Агнес? — звучит в трубке ее хриплый голос.

— Да! — отвечаю я вдохновенно.

— Что случилось? Ты простыла? — требует ответа она.

— Так, слегка,— отвечаю я.— Думаю, ангина.

— Голос у тебя просто ужасный,— посочувствовала старая секира.— Ты знаешь, дорогая, я никак не дождусь, когда ты мне скажешь, что ты думаешь об Уолтере и Элле.

— Считаю, что все великолепно,— заявил я.

— Что?! — рявкнула карга.

— Ве-ли-ко-леп-но, — повторил я уверенно хриплым голосом.— Жаль только, что они не подумали об этом несколько лет назад!

Последовала драматическая пауза. Я представил себе, как она в этот момент перемещает трубку от одного уха к другому.

— Агнес! Ты здорова? — прошуршала наконец старая перечница.— У тебя температура или еще что?

— В жизни не чувствовала себя лучше,— произнес я сердечно.

— Ты действительно думаешь,— потребовала старуха, произнося слова медленно и угрожающе,— что все великолепно? И Уолтер? И Элла?!

— Это лучшее из того, что могло произойти,— подтвердил я.

— Но,— послышался снова хриплый голос, в котором прослушивались нотки ужаса,— а как же Джордж и дети? Что будет с магазином? И что произойдет с банком?!

— Ну и что? — легкомысленно бросил я.— Они же счастливы. В конце концов твое-то какое дело? Или, скажем, мое?

Послышался какой-то звук, будто телефонная трубка стукнулась о бигуди, свешивающиеся на ухо.

— Агнес,— произнес обвиняющий голос,— ты что, пьяна?

— Кто? Я? — запротестовал я благочестиво.

— Я сейчас же еду к тебе,— снова пролаяла мегера.— Здесь что-то не то!

— Прежде чем ехать,— отрезал я,— ты бы лучше позвонила Джорджу. И Элле! И сказала бы им, что я о них думаю.

— Никогда! — захлебнулась она.

— Тогда, по крайней мере,— настаивал я,— позвони хотя бы двум-трем знакомым и спроси, что думают они. Может быть, я не одинока.

— Непременно! — ее голос треснул от негодования.— Я позвоню Герту и Мардж, и Эдди тоже!

— Вот и валяй! — согласился я.

— Как, и Эдди?

— И Эдди! — бросил я.

— Хорошо!

Ее «хорошо» вырвалось из таких глубин грудной клетки и диафрагмы, откуда звуки могут извлекать только мегеры, да и то после многих лет тренировок.

Она швырнула трубку.

Я тоже положил свою, обливаясь потом.

Бедная Агнес! Интересно, кто она?

И кто Эдди?

И вообще, что все это значит? Не знаю. Но причиной того, что я рассказал вам об этом, послужил телефонный звонок, который раздался в моей квартире неделю спустя.

— Это ты, Агнес?

Голос был осторожный, но по-прежнему хриплый.

— О, привет, дорогая! — воскликнул я.

— Простите, я ошиблась... — поперхнулась старая алебарда и бросила трубку.

Перевел Дм. РОЗАНОВ.

КРОКОДИЛ
№ 10 (2128)
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Вайсборд, Ю. Ерофеев, В. Жаринов, В. Мохов, В. Сафонов, Ю. Степанов, И. Сычев, Ю. Федоров, Е. Шабельник.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 19/III 1975 г. А 00807. Подписано к печати 31/III 1975 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 820 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 509 950. Изд. № 772. Заказ № 398.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.
Обработал ЛЕБЕДЕВ А.В.

Цена номера 15 коп
Индекс 70448

СОВРЕМЕННЫЙ ТОМ СОЙЕР

— Приятно посмотреть, что у этого парня есть работа.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА